

ЭТО БЫЛО три недели тому назад. В Великобритании. В небольшой деревне, невдалеке от древнего английского университетского города Оксфорда.

Погожим июльским утром воскресного дня в просторной, выделенной известной комнате, где семьдесят лет назад, во времена Джона Безземельного, собиравшиеся на трапезу монахи одного из католических аббатств, англичане и русские, озабоченные будущим человечества, заканчивали многодневную дискуссию. Они говорили о том, что волнует всех — об испытаниях ядерного оружия, о гонимых вооружений и угрозе войны, о взаимном доверии между народами, о сосуществовании и многом другом.

Повторяю — было солнечное воскресное утро. С замшевой сельской церкви долетала звуки колокола, созывавшего прихожан на молитву. Один из участников дискуссии, старый журналист, колючий, недоверчивый, скептический педант сквозь тонкие губы слова о том, что страхи и неуверие в современном мире простекают от склонности Советского Союза вмешиваться в дела других стран. Доводы, которые приводил оратор, были дряхлы и подернуты зеленой плесенью, как камни фундамента дома, в котором шла дискуссия. Но советские участники дискуссии вежливо выслушивали их.

И вдруг, старая отзвуки мирного колокольного звона и размеренное скрепящее человеческое голоса, в дом сквозь закрытые окна ворвался лютый угрозы оглушительный рев. Он продолжался, очевидно, считанные доли секунды, но всем показало, что пауза в дискуссии длилась долго. И когда в комнату вновь вошла тишина, люди в смущении посмотрели друг на друга, как бы пробудившись от тяжелого, полного кошмаров сна.

Кто же был этот кротокопный, непрошенный оратор, возникший свой реверс в мерное течение дискуссии людей, озабоченных судьбами мира в нашем неустойчивом и полном тревог и предчувствий мире? Звеня реактивных самолетов, поднявшихся с ближайшей базы американских атомных бомбардировщиков в очередной тренировочный или барражировочный полет.

После этого непредвиденного выступления даже у тех, кто был склонен искать причины страхов и подозрений, обернувшись лицом к востоку и спиной к западу, явно пропала охота к продолжению дискуссии в тоне, заданном коллегой скептическим с тонкими, изысканными губами.

Резаные турбины, изготовленные на военных заводах по ту сторону океана, весомо напоминали, кто грубо вмешивается в дела других стран в послевоенном мире и откуда простекают страхи и подозрения, мешающие людям спокойно спать и спокойно жить...

Этот незначительный эпизод, случившийся в маленькой деревушке Чаннер Бассет, невольно вспоминается мне, когда я прочел в газете сообщение о том, что президент США господин Дуайт Эйзенхауэр пригласил Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича Хрущева посетить Соединенные Штаты. Никита Сергеевич с удовольствием принял приглашение, пригласив в свою очередь Дуайта Эйзенхауэра посетить СССР, на что президент ответил, что он с удовольствием принимает это приглашение.

Можно безошибочно сказать, что в августовское утро, когда сотни миллионов людей во всех странах мира развертывали газеты или слушали радио, приоткрывшие вновь наблюдать мало приятное метание стрелки женецкого политического барометра, они с удовольствием и чувством облегчения проли обнадуживающую весть о предстоящем обмене визитами между главами двух самых могущественных держав современного мира.

И, я думаю, то же чувство испытали и жители деревушки Чаннер Бассет и многих других городов и деревень, разбросанных по неоглядным просторам мира, от острова Окнава до Северной Африки, от горных плато Пакистана, Ирана и Турции до густозаселенных пространств Западной Германии и Франции. Ведь мы давно и решительно не нравятся изрывающее душу пенне реактивных двигателей хищных стальных птиц, несущих под крыльями испепеляющий огонь атомной смерти. И, может быть, то, что голоса миллионов протестующих людей все чаще и чаще заглушают реверс реактивных самолетов, заставило политиков Запады прислушаться к голосу здравого смысла.

В добрый час! Мы, советские люди, читая сообщение о предстоящей встрече, невольно вспоминали, сколько энергии и терпения было приложено нашим правительством на пути к этой встрече. Все, что было сделано в последние годы Советским Союзом, его правительством, что было сделано благодаря неутомимой энергии и неиссякаемой инициативе Никиты Сергеевича Хрущева, обратило к нашей стране, к ее трудящимся народам, не только высокоую волю братской любви трудящихся, но и симпатии и доверие даже тех людей, чьи цели далеки от наших.

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

- ☆ **Ал. Сурков.** От имени человечества.
- ☆ **С. С. Смирнов.** Заметки о критике.
- ☆ **Херлуф Бмдstrup.** Глазами друга.
- ☆ **Л. Лиходеев.** Еще раз о частной собственности.
- ☆ **Дмитрий Гуля.** Новые стихи.
- ☆ **Габит Мусрепов.** Лучшей песни достойны они...
- ☆ **Арон Вергелис.** Литературные отщепенцы.
- ☆ **Иржи Трика.** Интервью.
- ☆ **На экранах Московского кинофестиваля.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 98 (4064)

Суббота, 8 августа 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Сегодня открывается **Вторая спартакиада народов СССР.** В 17 часов на арену Центрального стадиона имени В. И. Ленина выйдут колонны спортсменов. Собственно, состязания в Лужниках можно назвать финалом борьбы, в которой участвуют все семь тысяч сильнейших спортсменов в 22 видах спорта. Ведь ему предшествовали отборочные соревнования свыше сорока миллионов физкультурников! В пятнадцати видах спорта наши спортсмены являются чемпионами мира или обладателями кубков. Такие успехи невозможны было бы объяснить, если бы не цифра 40 миллионов. А вот еще одна интересная цифра: в Спартакиаде принимают участие спортсмены 43 национальностей. Открывающийся сегодня праздник будет поистине всенародным.

Новых успехов, новых рекордов! На нашем снимке: участницы спартакиады Л. Панкина и Н. Акульшин.

ОТ ИМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Ал. СУРКОВ

Наша политика проводилась на виду у всего мира. И она нашла достойную оценку у всех людей доброй воли. Вместо политики «на грани войны», вместо политики военного соперничества и измучившей народы гонки вооружений, вместо политики торговой блокады и скрывающих ограничений Советский Союз предложил как основу взаимоотношений между социалистическим и капиталистическим лагерями плодотворный принцип мирного соревнования, исключая применение силы в решении политических, экономических и идеологических проблем.

Не за горами сентябрь — время долгожданной встречи, овеянной стоковыми надеждами и упованиями народов, желающих жить под небом, не грозящим огненными смерчами атомной смерти, на земле, отдающей все свои плоды людям.

Человек должен жить на земле для того, чтобы украсить ее своим радостным неистощимым трудолюбием, своим неутомимо инстинктом.

Так думают ученые в лабораториях Лондона и Москвы, Парижа и Праги, Пекина и Нью-Йорка.

Так думают доверли Глазо и докеры Марселя. Так думают феллахи, возделывающие хлопковые поля в долине Нила, хлопкозаводчики Гиссарской и Валхской долины Таджикистана.

Как представитель их непереломной воли к миру, их неуемной веры в человека и его будущее, отправится Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев в свое заокеанское путешествие. Не только интересы советских людей, поглощенных решением великих исторических задач семилетнего плана, но только интересы наших друзей и братьев, строящих в Европе и Азии величественное здание социализма, но и интересы сотен и сотен миллионов трудящихся во всех странах мира, желающих мирного сегодня для себя и мирного будущего для своих детей и внуков, будет представлять товарищ Хрущев на сентябрьской встрече в Вашингтоне.

Миллионы людей на земле хотят верить, что и президент Соединенных Штатов будет ощущать во время этой встречи их чаяния и надежды.

Политика — материя сложная и сугубо диалектическая. В послевоенном мире накопилось достаточно много трудно разрешимых проблем, возникло много узлов сложных противоречий. И всякие прогнозы об итогах предстоящих встреч были бы не более чем навязное и неумное галание на кофейной гуще.

Когда советские люди будут провозглашать за океан Никиту Сергеевича Хрущева, они желают ему, чтобы многолетнее усилие нашего правительства увенчалось успехом. Они скажут, наступила его:

— Счастливого пути!
— Возвращайтесь на Родину с миром для мира!

ТАК, нарушая все рабочие нормы, не считаясь со сверхурочными, трудными членами жюри, делегаты и гости Московского международного фестиваля, если в первом фестивале было торжественно объявлено расписание каждого дня, где предусматривались тихие радости обедов и закусок по городу, то немалым занятием фильмов сразу съехала все различные планы: картины не укладываются в отведенные для них полтора часа, срочники, привнесшие делегации не ограничиваются пятью минутами, и зрители выходят из Кремлевского театра в третьем часу ночи, как это было, например, в среду после просмотра американского фильма «Дневник Анны Франк».

Но, может быть, игра не стоит свеч? И эти ночные бдения себя не оправдывают? Да, конечно, не все фильмы равноценны, не все фильмы равноценны миру сегодня для себя и мирного будущего для своих детей и внуков, будет представлять товарищ Хрущев на сентябрьской встрече в Вашингтоне.

Поэтому, редакция программы фестиваля в целом как бы создает огромный панораму современного мира. Разные языки, своеобразные пейзажи, несхожие обычаи и нравы, каждый раз свои горести и надежды — все это интересно, — чему здесь отдашь предпочтение? Причудливые конструкции павильонов Брюссельской вы-

Шестнадцать часов в сутки

Ставки в бельгийской короткометражке «Возраст воздушного шара» и огни народной стройки в румынском документальном фильме «Визак — высота 563», снежные вершины вулканов и непроходимые заросли джунглей, тигр, выходящий на ночную охоту, и угрюмые морды горилл в фильме «Властили лес». Девственная природа, еще не покоренная человеком, и чудеса современной цивилизации, прошлое и сегодняшний день.

И первый критерий, с каким судится о фильмах на фестивале, — насколько точно и правдиво отражают они свою страну, ее быт, ее культуру, ее людей.

АЛБАНСКИЙ фильм «Таня», может быть, не потрясет вас глубиной обобщений, блеском режиссерского мастерства. Но есть в нем та свежесть наблюдений, которая, обычно свойственная молодому, утверждающему себя национальному киноискусству. Соперничеству из-за красавицы-звездочки Таны обретает здесь новый смысл борьбы с пережитками старой, собственнической морали. И вся эта история разыгрывается не в условных, кинематографических декорациях: подлинная Албания, ее горные деревушки, ее каменная земля и целевые, словно литые характеры ее людей встают на экране. И пусть фильм в чем-то наивен, — ведь это только первый полнометражный албанский фильм, — с него не уйдешь равнодушным. А вот албанский фильм «Неполный брак», демонстрировавшийся на одном просмотре с «Таней» в четверг. Все, что принято называть «коммерческим» кинематографом, объединилось в этом фильме в нем локальный «красивая» жизнь состоятельных людей, протекающая в шикарном особняке и элегантно изрядной, среди пуфиков и фарфора, рядом с жиденькими и белыми телефонами, которые в европейском кино уже давно стали нарицательными. Этот символ сверххарактера-

точности становится символом ухода от подлинной действительности в условный мир «роскошных» апартаментов, салонных страстей и конфликтов.

Нужно сказать, что появление на конкурс «коммерческой» картины пока не очень характерно для Московского фестиваля. И на экране, и в зрительном зале, и в встречных кинематографистов царят серьезность, деловая атмосфера, дух истинного творчества. Вот почему, может быть, такое важное значение приобрело одно мероприятие фестиваля, поначалу казавшееся второстепенным: цикл просмотров — «Фильмы, которых вы не видели», — организационный для гостей Союзом работников кинематографии. Эти м просмотрам начинаются с финальных утр. Картины замечательных советских мастеров, созданные в 20—40-е годы, смотрятся, — говорят некоторые иностранные гости, — как глубоко современные произведения. Темпераментный ораторский язык Дэнги Вертова в «Шестой части мира», философская поэзия дожденковского «Аэрограда», задумчивость и лиризм «Машеньки» Ю. Райзмана — так, с утра, словно даётся камертон фестивального дня. И главные завоевания советского кино продолжают в сегодняшней борьбе за гуманизм, за активную роль киноискусства в жизни общества.

«Роль кино в современном обществе», — называлась первая из творческих дискуссий фестиваля, проходившая в Центральном Доме литераторов. Речь шла о сложных процессах развития киноискусства в наши дни, о реалити экранной, о судьбах отдельных произведений и художников заруководного мира. Выступавшие советские режиссеры С. Герасимов, Г. Рошаль, С. Юткевич, французский критик Жюль-Сирах, нидерландский режиссер Иорис Йенс, советский критик Р. Юренев, польский кинокритик Ежи Теплицкий были солидарны в том мнении,

что не только связь с действительностью, но и активное, страстное отношение художника к этой действительности служат залогом истинного творчества.

Во Франции в этих вопросах выступающие по большей части сходятся, то как только дело доходит до оценки конкретных явлений искусства, споры разгораются с новой силой. Так, оживленно спорят об американском фильме «Дневник Анны Франк». Одни полагают, что работа известного американского режиссера Джорджа Стивенса в этой картине заслуживает высокой оценки, что за простотой и доступностью его решений есть содержательный лирический, философский подтекст. Другие считают, что трагический жизненный материал требовал более напряженных внутренних ритмов картины, что факты жизни героев отобразены недостаточно жестко. Во всяком случае, об этом фильме можно говорить, думать, спорить...

КАК свидетельствует фестивальный день, связанный с мировой войной, продолжают волновать кинематографистов и зрителей. К трагическим дням войны возвращают нас и польский фильм «Орел», и чешский «Ровно в 12», и советский «Судьба человека». Французский фильм «Бабетта идет на войну», поставленный режиссером Кристьяном Жаком, известным нашему зрителю по фильму «Если парни всего мира...», тоже касается прошедшей войны, но, однако, весьма своеобразно.

Война в этом фильме очень беззаботная, бескровная, это — война из старых, веселых народных пословиц. Английская армия занята эвакуацией французского публичного дома — комического подобия мопассановского дома Телье, озабочена этим больше, чем судьбой своих солдат в Донкерке; члены местного охотничьего клуба стреляют из дустволок по самолету, гоняты за ним на лошадях, как за зайцем; наконец, простоватая девица из кафе совершает «под-

...Кончается лишь первая неделя фестивала, на арену фестивального турнира выступают новые и новые страны...»

Н. ЗОРКАЯ, Ю. ХАНЮТИН

Заметки о критике

МНЕ вспоминается один случай... В газете была напечатана критическая заметка по поводу опубликованной в журнале новой повести знакомого мне писателя. На другой день после этого я зашел навестить его. В доме царит атмосфера, какая бывает в семье, когда кто-нибудь тяжело болен. Домашние ходили на цыпочках и разговаривали полупрошедом. Сам раскритикованный лежал на диване в своем кабинете с мурчавым полотенцем на лбу, и от него пахло валлодом.

— Вот довели! — сказал он. — Вчера сердечный приступ был. А главное, кто написал то...

И он употребил в адрес Н. — автора заметки — несколько эпитетов, которые, мягко выражаясь, подвергают сомнению и компетентность, и способность, и принципиальность критика.

— Ну, можно ли так воспринимать критическую статью? — укоризненно спросил я. — В конце концов, это только частное мнение критика Н., которого вы к тому же совсем не уважаете. Значит, нечего и переживать.

Раскритикованный поскотрел на меня с презрительным сожалением.

— Милый, вы с душой овалелись, — сказал он. — Частное мнение! За ведь это напечатано в газете! Нет, милый, над повестью произнесен приговор.

— Позвольте, — возразил я. — Даже Белинский, Чернышевский, Писарев иногда ошибались. Каким же крупным ни был критик, его суждение не может являться приговором произведению.

— Вы так думаете? — с ехидством спросил раскритикованный. — Так вот, вчера, после выхода газеты с этой заметкой, позвонил мой редактор из издательства, где повесть уже была набрана, и сообщил, что книгу решили приостановить в производстве. Теперь ее снова будут редактировать, хотя до этого на нее получены четыре положительные рецензии видных писателей и критиков. А сегодня я получил телеграмму из одного областного издательства, — меня из-

вещают, что повесть вычеркнули из плана изданий. Может быть, вы объясните мне, как эти факты согласуются с вашими утверждениями?

Я не мог объяснить и ушел послераздумав. Небольшие размывания о характере, судьбах и задачах нашей критики. Этими размываниями, разумеется, в порядке частного мнения, мне и хочется поделиться с читателем. Пусть это лишь мысль, ветер, суждения не профессионала-критика, а одного из литераторов, далеко не исчерпывающие разговоры, но, быть может, позволяющие начать этот очень нужный литературный разговор.

Помнится, однажды, на встрече с писателем в Кремле, Никита Сергеевич Хрущев сказал нам, что он и другие руководители партии хорошо понимают, как тяжело переживает литератор период культуры личности. С каким вниманием и волнением слушали мы эти душевные слова! В самом деле, переживания и первые послевоенные годы были очень тяжелыми временами для наших писателей.

Но, без сомнения, из всех отбродов литературы наиболее моральные потери в этот период понесла критика. Влияние культуры личности здесь проявилось прежде всего в стандартизации критических мнений, в обозначении безапелляционной критики, затрудняющей широкий обмен суждениями, необходимый для литературы, как кровоподпитание для живого организма. А элементарные субъективности и произвольные оценки, неизбежно приносившиеся в такую критику, порой способствовали образованию своего рода «ножниц» между нею и общественным мнением.

Профессиональная критика, пожалуй, самая небогатая из всех литературных профессий. Писатели обычно относятся к критикам, как шоферы к инспектору ОРУДа, — их уважают или опасаются, но редко любят. В тот период, о котором идет речь, критика стала занятием еще более сложным и морально невыгодным. Некоторые из наших талантливых критиков тогда отошли от современности, укрываясь в спокойных князях литературоведения, или улазились под сень издательства и редакций. Выступая под покровом «законного рецензента» на рукописях, но по-

обстановку для развития советской литературы. Восстановление ленинских норм и принципов партийной жизни, ликвидация нарушений социалистической законности, последовательная демократизация различных областей общественной деятельности, — все это полностью устранило в литературе те факторы, которые затрудняли свободный, широкий обмен мнениями, мешали нормальному развитию литературной критики. Критика постепенно возвращает себе прежнюю роль и из судьи и прокурора снова все больше становится умным, взвешиваем исследователем, другом и советником литератора. И если иногда на печатных страницах еще появляются крикливо-бездоказательные статьи и разудальные заметки-приговоры, если еще инные писатели с истерической nervousностью воспринимают малейшую критику в свой адрес, а некоторые редакторы считают ее сигналом для распорядка с книгой — то это лишь инерция старого, пережитки, исключения, а не типический пример из нашей сегодняшней литературной жизни.

Успех нас свежа в памяти речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР. Все мы обратили внимание на то, что, говоря о добродушной насмешке о романах, читать которые приходится, подбадривая себя булавкой, Никита Сергеевич не назвал ни одной фамилии авторов подобных произведений. И мы понимали, что это уклонение — не что иное, как мудрая осторожность и тонкий такт руководителя нашей партии и нашего правительства, который хорошо знает весомость своего суждения, и без серьезной необходимости не хочет высказывать его, чтобы не оказать влияния на формирование мнений читателей и литературной среды. «Сами пишете — сами и критикуйте», — шутливо сказал нам Никита Сергеевич, и в этой шутке прозвучало не только его тактическое нежелание возмездия своим авторитетом на литературную критику, но и доверие к политической зрелости большого и идейно сильного вокруг партии коллектива советских писателей.

НОВЫЙ исторический этап в жизни нашей страны, ознаменованный XX съездом КПСС, создавал исключительно благоприятную

обстановку для развития советской литературы. Восстановление ленинских норм и принципов партийной жизни, ликвидация нарушений социалистической законности, последовательная демократизация различных областей общественной деятельности, — все это полностью устранило в литературе те факторы, которые затрудняли свободный, широкий обмен мнениями, мешали нормальному развитию литературной критики. Критика постепенно возвращает себе прежнюю роль и из судьи и прокурора снова все больше становится умным, взвешиваем исследователем, другом и советником литератора. И если иногда на печатных страницах еще появляются крикливо-бездоказательные статьи и разудальные заметки-приговоры, если еще инные писатели с истерической nervousностью воспринимают малейшую критику в свой адрес, а некоторые редакторы считают ее сигналом для распорядка с книгой — то это лишь инерция старого, пережитки, исключения, а не типический пример из нашей сегодняшней литературной жизни.

Успех нас свежа в памяти речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР. Все мы обратили внимание на то, что, говоря о добродушной насмешке о романах, читать которые приходится, подбадривая себя булавкой, Никита Сергеевич не назвал ни одной фамилии авторов подобных произведений. И мы понимали, что это уклонение — не что иное, как мудрая осторожность и тонкий такт руководителя нашей партии и нашего правительства, который хорошо знает весомость своего суждения, и без серьезной необходимости не хочет высказывать его, чтобы не оказать влияния на формирование мнений читателей и литературной среды. «Сами пишете — сами и критикуйте», — шутливо сказал нам Никита Сергеевич, и в этой шутке прозвучало не только его тактическое нежелание возмездия своим авторитетом на литературную критику, но и доверие к политической зрелости большого и идейно сильного вокруг партии коллектива советских писателей.

НОВЫЙ исторический этап в жизни нашей страны, ознаменованный XX съездом КПСС, создавал исключительно благоприятную

нствитских подголосков о партийном диктате в советской литературе! А ведь именно как диктат, как мелочную опеку партии над писателями хотят изобразить некоторые руководители литературы.

Этот принцип был и остается для нашей литературы глубоко органичным и неизбежным. Но только не поминим или заведомо извращая дело, можно представить его как диктат или опеку. Формы партийного руководства литературой различны, но главное содержание этого принципа состоит не в том, что партийные органы руководят творчеством писателей, подкапывая им, что и как писать, а в том, что мы, советские писатели, во всей своей работе сознательно руководствуемся идеями коммунизма, идеями нашей партии, которые всей душой и всем сердцем воспринимаем и воплощаем в нашей жизни и творчестве. Вот почему в основе партийного руководства литературой лежит прежде всего постоянная идейно-воспитательная работа, которую ведет партия среди писателей.

Надо ли кому-нибудь доказывать, что известный партийный документ «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» носил отнюдь не директивный, а ярко выраженный воспитательный характер? В этом документе партия устами Первого секретаря Центрального Комитета давала оценку идейно-литературной борьбе того периода, обращала внимание писателей на опасность атак международного ревизионизма и с высоких позиций марксизма-ленинизма раскрывала дальнейшие перспективы развития литературы, указывая на укрепление связи писателей с жизнью народа, как на вернейший залог новых творческих побед. А разве не такой же глубоко воспитательный характер носила речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР, его мысли о подходе писателя к материалу нашей действительности, о точке зрения автора, о молодой смене и т. д.?

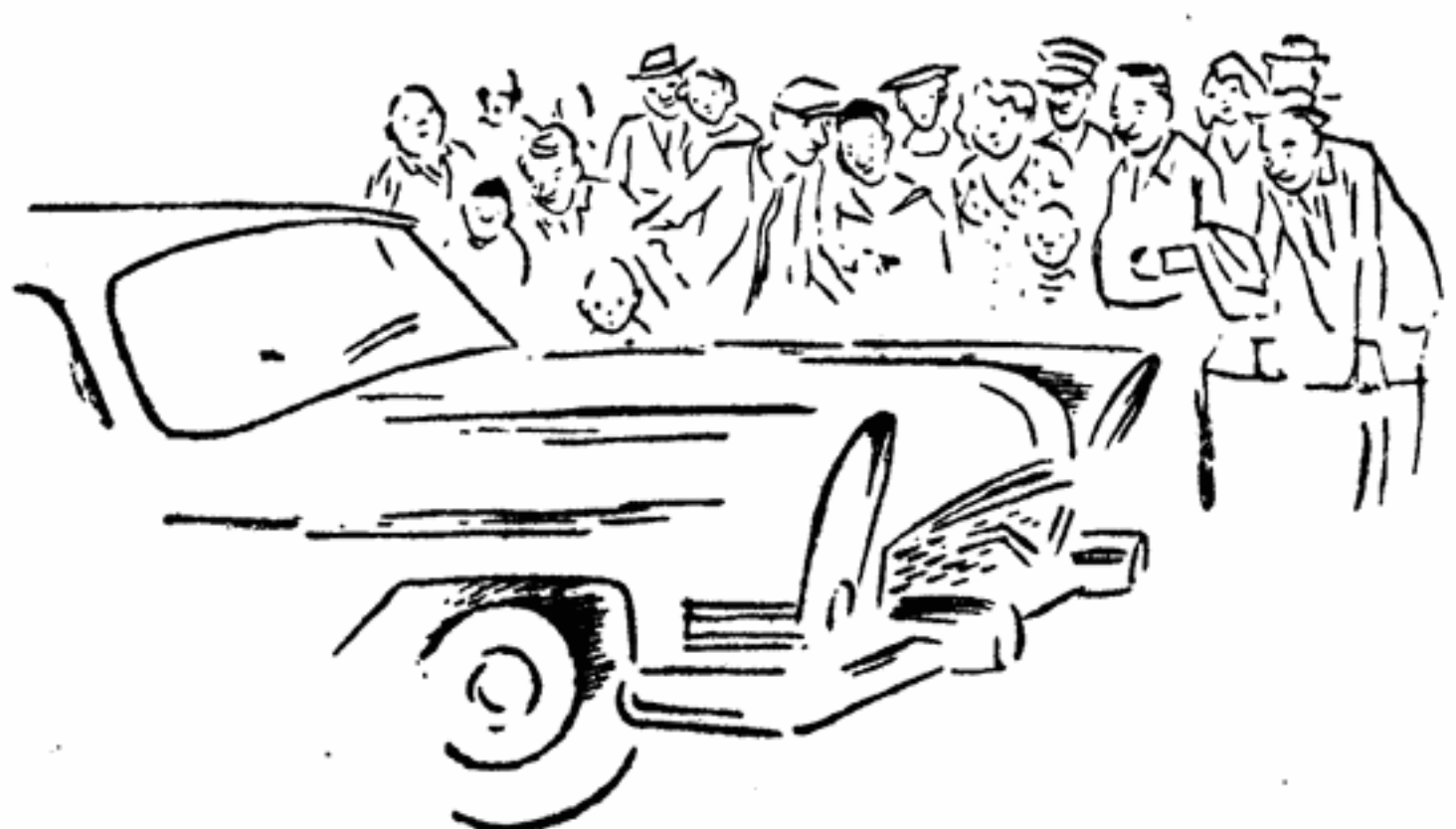
Верными помощниками Коммунистической партии назвал писателей Н. С. Хрущев. Эти слова, как и другие его высказывания, как и весь тон его речи, выражали высокое и обязывающее доверие партии к силе и зрелости писательского коллектива, уверенность в его единстве и сплоченности вокруг Центрального Комитета.

(Окончание на 2-й стр.)

ГЛАЗАМИ ДРУГА

В Москве гостит известный датский художник-карикатурист Херлуф Бидstrup. В августе он посетит выставку достижений народного хозяйства СССР.

Херлуф Бидstrup на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

Глаза советских граждан блещут еще ярче, чем это полмиленам чужд — последние посетители покорителя километров, выпущенная Горьковским автозаводом.

Робот привлекает многих посетителей выставки. Он вызывает неприятные ассоциации с теми роботами, которые, к сожалению, так много в датском правительстве, где они чисто автоматическим путем признаются, когда нажимаются кнопки в штабе НАТО.

РЕПЛИКИ ПОТРЯСАЯ ЦИТАТАМИ

НЕ ВВОДИТЕ в заблуждение читателей — восклицает К. Алеский («Учительская газета», № 91), упрекая Э. Померанцеву за якобы несправедливую, «безапелляционную» оценку рецензии В. Блохина к книге В. Анникова «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор», помещенной в № 8 той же газеты.

Но же кто вводит в заблуждение? Попробуем разобраться.

В статье Э. Померанцевой («Литературная газета» от 28 июля) речь шла о создании нового сборника пословиц и поговорок, который смог бы стать достойной заменой известному сборнику — сборнику «Пословиц русского народа» В. Дала.

Для этого, писала Э. Померанцева, будущие составители и критики должны обладать хорошим вкусом, и главное, нужно со знанием дела оценить многочисленные современные собрания. Понятно, что без научного подхода нельзя рассчитывать на успех.

Книга В. Анникова посвящена анализу «малых» жанров фольклора, в ней рассказывается о пословицах и поговорках, отразивших в себе народную философию, мораль, поэзию и самое историю народа, о том, как рождаются, живут и умирают крылатые выражения, как разные классы берут их себе на вооружение. Анников предложил на основе серьезных научных наблюдений новый принцип классификации «малых» жанров устно-поэтического творчества, то есть взгляда на решение самой неразработанной области фольклористики. Кажется, мимо этого уж никак нельзя было пройти добросовестному рецензенту.

Но этого-то и «не заметили» ни В. Блохина, ни К. Алеский. Они нападают на прилагаемые к историческому исследованию тексты (зазначающие, кстати сказать, меньше половины книги) и бранят автора за то, что пословицы (подобные для характеристики быта и сознания людей эпохи феодализма и капитализма) не имеют... воспитательного значения.

В ход брошена даже тяжелая артиллерия арифметики. К. Алеский арти-

тал, что «из 860 приведенных в сборнике пословиц лишь 40 советских». Упрек выглядит серьезным, но, увы, и здесь критик попадает впросак. Вряд ли пришлось бы рассчитывать рецензентам «Учительской газеты» пропорции и количество старых и новых пословиц, если бы они потрудились понять цели и задачи исследователя, о которых он пишет уже в предисловии к своей книге: «Старые сборники пословиц, поговорок, загадок, книги детских песенок, прибаюток и считалок давно стали библиографической редкостью.

...В этой книге даны расширенные характеристики «малых» жанров фольклора. В ее «хрестоматийную» часть вошли тексты, выбранные из лучших научных сборников и публикаций. Здесь представлены также и те произведения старинного фольклора, которые, хотя и не принадлежат к лучшим, но тем не менее ярко характеризуют народный быт и сознание народа прошлых эпох» (подчеркнуто нами).

Как же можно составить сборник, ставящего перед собой такие определенные и ясные цели, предельно объясняющие в том, что он выступает в качестве «проповедника, пняства и пропагандиста религии и суеверия»?

Это так же нелепо, как если бы составитель сборника «Русская проза XIX века» было предельно объективно в том, что он включил туда рассказы Чехова «Каштанка».

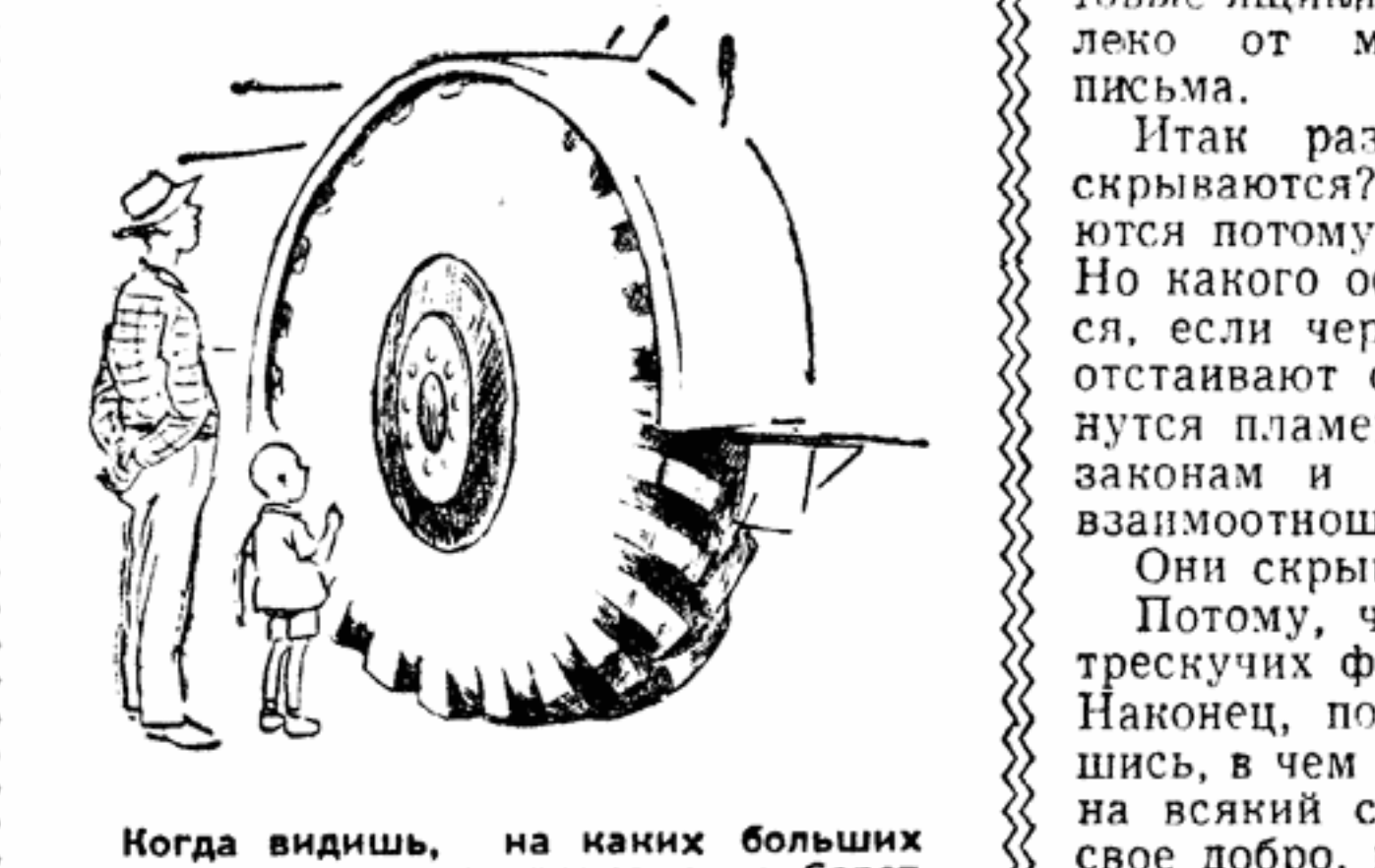
«Чего стоит», — написал бы, вероятно, по этому поводу К. Алеский, — образ пьничьи столара, хозяйня Настанка. И этот рассказ переиздается в то время, когда в прошлое безвозвратно ушли кустарно-одиночки, а на смену им пришли молодые, сознательные рабочие. Этот рассказ переиздается в то время, когда у нас ведется решительная борьба с алкоголизмом!

Право же, полемика К. Алеского в защиту рецензии В. Блохина ведется именно на таком уровне.

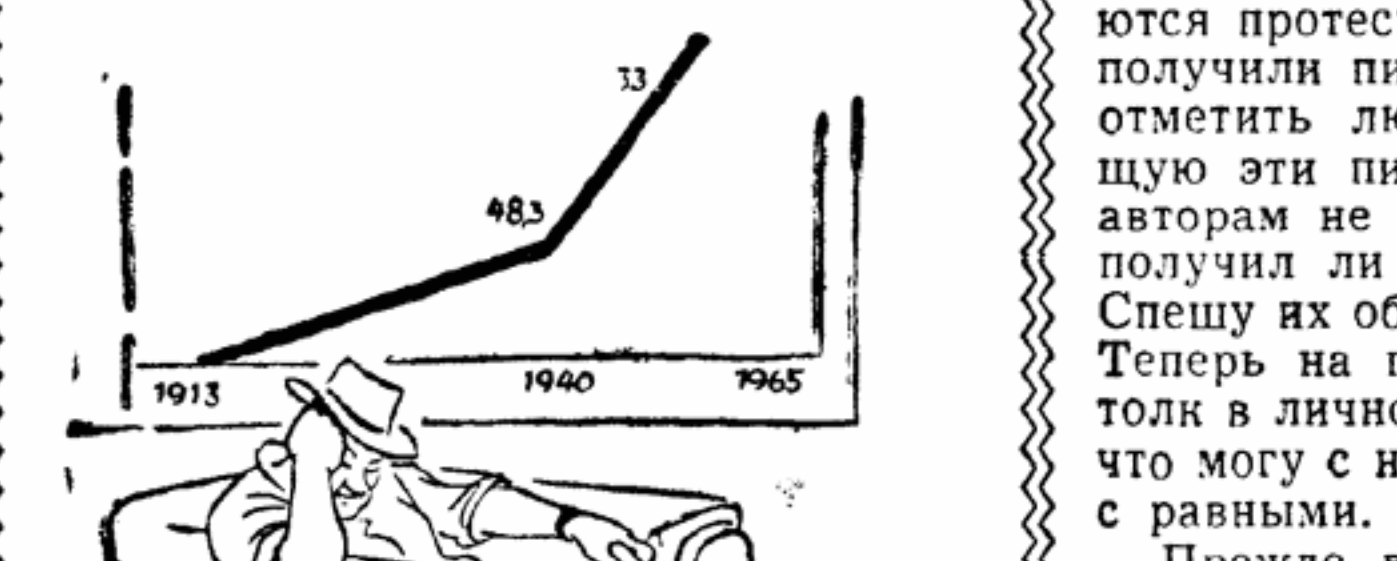
Шумит К. Алеский, потрясая цитатами, и не понимает, то ли он пытается защитить ложно понимаемую «честь мундира», то ли надеется, что оппонента можно доконать шумом.

Все девочки, начиная от годовалых и кончая девчонками вполне солидного возраста, с величайшим восхищением разглядывают микроскоп, выставленный в павильоне игрушки.

Когда видишь, на каких больших колесах движется транспорт в Советском Союзе, чувствуешь уверенность в том, что семилетний план будет двигаться еще быстрее, чем предполагалось.

Усталый посетитель выставки заглядывает под цифрой 1913, начертанной на диаграмме, которая изображает развитие электрификации в те годы. Спешит выявить сокращенную иллюстрацию и положоние в России до революции. Надо надеяться, что, производивших, он столь же ярко будет символизировать нынешнее положение дел.

Газ идет в Ленинград

Газ прошел уже 360 километров от Серпухова и продолжает успешно продвигаться к Ленинграду. 4 августа газ пришел в Валдай... Сообщение похоже на сводку с фронта. Что же, так оно, пожалуй, и есть: на одном из участков фронта семилетка одержала новую победу. Сегодня вступает в строй газопровод Серпухов — Ленинград.

Большой газ пришел в Ленинград. И, как всегда, в такой день хочется вспомнить прошлое и взглянуть в будущее. Ровно 140 лет назад, в августе 1819 года, на Аптекарском острове

Петербургские русские химики зажгли первые газовые факелы. В 1913 году Петербург расходовал 80 тысяч кубических метров газа в сутки. В 1959 году — 2,3 миллиона. В 1965 году Ленинград будет потреблять 21 миллион кубических метров. Железные дороги страны освободятся от перевозок трех миллионов тонн одного лишь угля.

Сегодня на станции Шосейная, в конечном пункте газопровода, вспыхнет традиционный газовый факел.

Ю. ТОМИН
(По телефону)

Еще раз о частной собственности

ФАКТЫ, изложенные в фельетоне «Частная собственность», опубликованном в субботном номере 18 июля, подтвердились: частнособственнические инстинкты, стяжательская алчность и другие преlestи бытия — увы! — существуют, что документально подтверждается потоком писем читателей, клявущих этот пережиток.

К вопросу можно было бы не возвращаться. Но было бы несправедливо оставить без внимания ряд писем своих, почтительных, спонсивших нам долгом защитить частнособственнические инстинкты.

Надо сказать, самые храбрые защитники упомянутых инстинктов написали, как и следовало ожидать, анонимно. Нет необходимости цитировать этот шокирующий жанр переписки. Анонимка есть анонимка: немного наглости, много брани и очень много трусливой демагогии. Мне кажется, что эту эпистолярную форму нужно вообще игнорировать как несколько устаревшую.

Но мы все-таки рассматривали эти письма. Одни из них написаны на оборотной бумаге, видимо, с целью наметать, что автор бедняк, у которого нет пятки на бумагу. Другие написаны на корыте карандашником, явно подделанном, чтобы окружить непрошеной тайной свою личность. Третьи, наоборот, написаны ясным почерком, но брошены они, очевидно, в почтовые ящики, находящиеся довольно далеко от места жительства автора письма.

Итак разберемся: почему авторы скрываются? Может быть, они скрываются потому, что боятся осуждения? Но какого осуждения они могут бояться, если через две строчки на третью отстаивают свою святую правоту, клянутся пламенной любовью к советским законам и коммунистическим нормам взаимоотношений?

Они скрываются потому, что лгут.

Потому, что, кроме низкой брани и трескучих фраз, им нечем прикрититься. Наконец, потому, что, еще не разобравшись, в чем дело и о чем речь, они уже на всякий случай принимают к себе свое добро, на которое, кстати сказать, никто и не зарится. Эти самые инстинкты дают им покой, и они огрызаются и грозят.

Так обстоит дело с анонимками и с их авторами.

Этим жанром, однако, не исчерпываются протесты против фельетона. Мы получили письма и подписанные. Надо отметить любопытную деталь, родящую эти письма с анонимными. Всем авторам не дает покоя жгучий вопрос: получил ли я гонорар за фельетон. Спешу их обрадовать: гонорар получен. Теперь на правах человека, знающего толк в личной собственности, я считаю, что могу с ними поспорить, как равный с равными.

Прежде всего, меня поправляют из философских побуждений. Так, С. Бобошин из Юконда пишет:

«Частная собственность это и есть личная собственность». Разница между ними такая же, как «между понятиями томат и помидор». Насчет помидоров не спорю. Вероятно, С. Бобошин разбирается в помидорах лучше меня. Но вот собственность личную он явно потопорпился отождествить с частной собственностью и почему-то сослался при этом на статью десятую нашей Конституции. Прием несколько несерьезный, поскольку в указанной статье даже понятие «частная собственность» отсутствует. Там говорится о личной собственности. Не надо принимать желаемое за сущее. Личной собственности мы никогда не

имеем в частную. Любопытно, что полковник в отставке К. Крам из дачного поселка Шереметьевский Московской области целиком поддерживает философскую концепцию С. Бобошина. Он также утверждает, что личная и частная собственности суть одно и то же.

В его письме имеется ряд сведений, которыми необходимо поделиться с читателями.

Сначала он сообщает, что не виноват в том, что ему положено иметь участок в полгектара. Это справедливо. Он человек военный, приказано — беру. Но дальше он почему-то пишет, что «население, читая подобные фельетоны... указывает пальцами на наши участки, говоря: вот новые поминки».

Это замечание следует воспринять, как коммюнтент: вероятно, без фельетона население «не указывает пальцами».

Кстати сказать, оно почему-то не указывает пальцами на рабочие сады, на сотни тысяч присудебных хозяйств трудящихся, на участки, которые не являются источником наживы. Почему бы это, полковник Крам?

В. Сергеев из Москвы пишет мне гордадо откровеннее:

«Если бы вы были практик, а не бравый борознивец, то вы в этих огурках и капусте с картошкой набили бы для себя очень много житейской мудрости и смысла».

Я и есть практик. Поэтому я не хочу искать в капусте житейскую мудрость и вам не советую. В. Сергеев! Капустка существует для того, чтобы ее ели, а не для того, чтобы она подчинила себе все человеческие помыслы.

«Что же вы советуете», — пишет В. Сергеев, — «вырастить тонну черешни и передать ее на угощение всего цеха бесплатно?»

Во-первых, я этого не советую, а во-вторых, даже если бы посоветовал, так что? Но В. Сергееву даже мысль эта кажется кощунственной. Как-де это можно, чтобы бесплатно? Как-де это можно угостить товарищей? И дабы окончательно разбить в пух и прах такое кощунство, он заявляет: «Я думаю, что такая ваша формула для построения коммунизма не подойдет... Почему один должен работать на коллектив, а коллектив быть гостем? Не много ли найдется гостей?»

Итак, В. Сергеев резко расходится во взглядах со мною. К счастью, не только со мною.

Затронув вопрос о том, «не много ли гостей найдется», умение умолять письмом инженера Михайлова, которого, по его словам, чуть не оштрафовали «за то, что не было объявлено о калитки, что во дворе имеется злая собака, за то, что она чуть не разорвала незнакомому человеку».

Во-первых, «чуть» не считается. Так вам скажет любой ребенок. А во-вторых, вопрос о злой собаке показался инженеру Михайлову в высшей степени основополагающим, и он заподозрил меня в желании, чтобы при коммунизме и собаки перестали лаять и бросаться».

Каюсь, такое желание у меня есть. Хочу, чтоб и собаки не бросались... В этих и в подобных им письмах, а их не так уж много, затрагиваются разные стороны бытия, кроме одной — той самой, которая, собственно, и послужила темой фельетона. В письмах этих зачастую отсутствует отношение авторов

к человеческой жадности, к собственническим инстинктам, к унижительному преклонению перед грузом собственности.

А ведь фельетон написан именно об этом. Нельзя сказать, чтобы мои оппоненты не заметили этого. Они заметили. Потому-то так единодушно они одобряют сущность фельетона.

Я получаю протесты некоторых лиц, и протесты эти зачислялись в том, что яде «огурья сваливаю в одну кучу всех, у кого есть присудебный участок».

Не надо так-таки сразу говорить от имени миллионов. Это скверная привычка. Есть сотни тысяч труженников, и есть хапуги. И давайте отделим плеве от зерен. Давайте не дадим хапугам смешиваться с честными труженниками. Кстати сказать, они хотят смешаться только на бумаге. В жизни они придерживаются несколько иных соображений.

Так вот генерал-майор в отставке С. Петренко пишет:

«То, о чем вы пишете, — это социальное явление, зло... Если мы видим эту опасность, сознаем ее, то она нам не страшна. Мы преодолеем ее. Но нужна мобилизация всех сил...»

«Увлечение собственностью унижает человека, вытравляет из него все человеческое», — пишет из Ленинграда О. Ковалевская.

«Смотришь из окна, — пишет Н. Степанова из гор. Бабушкина, — у одной семьи в три человека — два автомобиля. Зачем два? Неудобно, по-моему, пока еще и один не всех».

Им удобнее, тов. Степанова. С двумя им удобнее. Удобно под видом «дарственных» на строение продавать национализированную землю. Удобно, как сообщает учительница А. Малышева, делить свой участок и сдавать его же частям в аренду. Им так удобно.

А нам это не удобно! И надо говорить об этом громко, во всеулышанье.

«Ваши «пациенты», — пишет мне москвич В. Скалдин, — восприняли вас настроенно и, конечно, ищут любого удобного случая избавиться от ваших беспокоящих их нападеий».

Иначе и не должно быть. Но едва ли они чего-нибудь добьются, эти самые «пациенты». Говоря словами Маяковского, надо поднять ярость масс за коммунизм. И ярость эта — не следствие какого-нибудь фельетона, а проявление великой веры в коммунистические идеи, великой ленинской справедливости на нашей земле!

Москвич А. Огородников сообщает, что жена некоего Горбунова, «агроном-садовод, увлекшись своим садом, бросила работать в колхозе». Есть такие люди, торопящиеся содрать с доброй Советской власти как можно больше, чтобы потом отгорочиться от нее же ловко использованными законами.

Письма идут одно за другим. Это письма честных труженников, глубоко заинтересованных в процветании нашей страны. Они прекрасно понимают, что мешает нашему движению вперед. Они не просто отгораживаются мышиной возней объявляя, что нам делать с продукцией наших садов. Они требуют, чтобы этим занялись и торгующие организации, и кооперация, и орсы, и урсы. Они требуют, чтобы общественность теснее объединилась, чтобы она взяла на себя подлинный контроль над частнособственническими инстинктами.

И в этом — залог крепкого здоровья нашего общества.

Л. ЛИХОДЕЕВ

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Очередная, восьмая, книжка открывается очерками А. Смоляна «Ленинград, лето 1959» и П. Петунина «Восточнее Ленинграда». Своими мыслями об итогах Третьего съезда писателей делится В. Рождественский, Н. Никитин, М.х. Слонимский.

Печатаются окончания романа Ф. Эйзбаума «Зеленая ветвь» и рассказы скандинавских писателей Э. Болстаде, Х. Кирка и Я. Фридера.

В разделе «Искусство» помещены статьи Э. Арнольди, М. Дудина, А. Соколовской, посвященные роли киноматографии; в критическом отделе — вторая статья Б. Бурува «Писатель, как творческая индивидуальность» и статья В. Назаренко «Человек искусства».

В номере рассказы: Л. Первомайского — «Материнский сладкий хлеб», А. Кузнецова — «Маша», П. Келицы — «Дерь возмужавшая», А. Эрлиха — «Онус №2...».

Поэзия представлена стихами В. Григорьевой, А. Вознесенского, В. Шефнера. Публикуются окончания повести Н. Зелеранского и Б. Ларина «Мишка, Серега и я».

Журналы в августе

«ЗВЕЗДА» — Очередная, восьмая, книжка открывается очерками А. Смоляна «Ленинград, лето 1959» и П. Петунина «Восточнее Ленинграда».

«ЮНОСТЬ» — В номере рассказы: Л. Первомайского — «Материнский сладкий хлеб», А. Кузнецова — «Маша», П. Келицы — «Дерь возмужавшая», А. Эрлиха — «Онус №2...».

Заметки о критике

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

СЕЙЧАС, особенно после XXI съезда КПСС, открывшей новую историческую полосу в жизни Советской страны, — налицо самые благоприятные условия для творческой работы наших литераторов. Идеальная зрелость, прочное морально-политическое единство коллектива советских писателей, дружелюбие, тактичное внимание и отеческая забота, напряженная, полная творческого пафоса жизнь народа, которая повсюду бьет испичным ключом семилетки, — все это создает хорошие предпосылки для нового взлета литературы. Преодоление этого влета испытывает каждый из нас, и начало его в известной степени чувствуется во многих нынешних произведениях наиболее оперативных литературных жанров. А за нами уже подтаиваются к переднему краю нашей жизни и монументальные жанры литературы, пользующиеся сравнением Н. С. Хрущева, наша тяжелая артиллерия, орудия главного калибра. Вот-вот прозвучат их первые залпы — появляются на свет новые крупные произведения, написанные острым, страстным, талантливым пером, с большой художественной силой утверждающие мирное возвышенную правду нашей жизни.

В этих условиях нам особенно нужна хорошая критика, острый исследователь, умный советчик, добрый руководитель и друг нашей большой многоадресной литературы и писателей. Такая критика делает многое, она сильно поможет развитию литературы, она станет ее оплотнением и двигателем, укажет и осветит ей дорогу вперед. То, что наша критика аступила и полосу нового подъема, — не подлежит сомнению. Свидетельствам тому являются хотя бы интересная полемика, которая в последнее время развернулась на страницах журналов «Знамя», «Новый мир» и «Октябрь» по поводу «Сентяментального романа» В. Пановой, или важный острый спор вокруг доженковской «Позмы о море», начатый статьей В. Некрасова и его оппонентов в журнале «Искусство кино», а потом плодотворно продолженный украински-

ми критиками. Но, к сожалению, такие глубокие, принципиальные дискуссии ведутся у нас не часто, и критике еще предстоит сделать многое, чтобы занять достойное место в литературном процессе.

Какой же должна быть она, эта критика, чтобы оказаться на высоте сложнейших и важных современных задач? Прежде всего, конечно, проникновенно, душой подлинной демократичности, высокой гражданской ответственности. Это качества, рожденные русской революционно-демократической критикой, унаследованные советской литературой. Они стали неотъемлемым и важнейшим свойством нашей критики и литературоведения. В наши дни высшей формой народности является коммунистическая партийность. Это верный компас критической мысли, который дает ей возможность правильно оценивать явления литературы, исходя из коренных потребностей и задач своего народа, общества. Это и подлинная душа критики, определяющая ее страстность, убежденность и убедительность и делающая ее в конечном счете важным явлением общественной мысли.

Впрочем, эти истины настолько общеизвестны и несомненны, что говорить о них долгие годы бы школярством. Мне хочется остановиться на некоторых других качествах критики, тоже общеизвестных, но, к сожалению, не всегда присущих нашей критической статье. Эти качества, на мой взгляд, особенно необходимы и важны сейчас, когда начинается период нового подъема литературы, а в писательской среде идет процесс консолидации и преодоления остатков групповой борьбы, немало мешавшей нам в прошлом.

Сейчас, как никогда, по-моему, нужна нашим критикам исключительная, обостренная добросовестность, я бы даже сказал, щепетильность. Сколько раз наблюдали мы, как даже самая, казалось бы, незначительная переделка, подтасовка в критической статье впускает читателя в недоверие, становится для противников критика тем рычагом, который порой позволяет им опрокинуть всю концепцию автора, а для самого критикуемого — слабым звеном, ухватившись за которое он может иногда отбросить от себя всю цепь доказа-

тельств, как бы логически крепко ни были спаяны остальные ее звенья. Следует помнить, что критикуемый автор всегда похож на больного человека, который судорожно хватается за любой мнимый повод, чтобы утвердить себя и других в отсутствии болезни. А критика, что бы ни говорила, подобна весьма горькому лекарству — после него на губах и во рту долго остается вкус горечи, а целительное действие сказывается значительно позже. И уж если больной хоть чуть-чуть подозревает своего врача в недобросовестности, он обязательно выплывает это горькое лекарство. Как известно, лечить можно только с чистыми руками и с чистой совестью.

Честность и добросовестность должны быть непреложным законом для каждого нашего критика. Но, чего греха таить, нередко встречаем мы его нарушение. То при анализе произведения, исходя из заранее выработанной жесткой схемы, стремясь во что бы то ни стало обосновать свою точку зрения, критик старательно выбирает у автора все то, что служит подкреплением его доводам, и нарочито закрывает глаза на те места, которые прямо противоречат заданной цели. То происходит легкое усекновение цитаты из критического автора в интересах концепции критика и правде вопреки, и тогда в глазах опытного читателя, сверяющегося с текстом оригинала, стядленое многоточие в конце такой усеченной цитаты выглядит второпях набросанной кучкой глина, какой старается присыпать свои пакисты нашедший кот. То в общающей статье критик, приводя, как у нас говорят, «обойму» авторов или книг, подчеркнuto замалчивает некоторые имена и произведения по соображениям старых счетов, личной антипатии, либо из групповой предвзятости, которая, увы, порой сказывается в отдельных критических выступлениях.

Надо ли доказывать, что в основе таких волных или невольных «трюков» большей частью лежит стремление критика вырвать суд над произведениями, а не высказывать суждения о них. Надо ли доказывать, что этими приемами критик рубит сук, на котором он сидит, тутнует свое собственное оружие, дискредитирует критику вообще и свое имя в

первую голову. И если такой критик уже замечен и пойман читателем, как рецидивист, — горе ему! Критическую честь больше, чем какую-либо другую, надо беречь смолоду.

Думается, что столь же важную роль играет и тон, в котором пишутся статьи критиков или ведется литературно-критическая полемика между писателями. Мы иногда не замечаем, как резко снижается воздействие нашей критики, если статья написана бранливой-раздраженным тоном, если она превращается в зал для художественной гимнастики собственного остризма или в поле для этойкой кавалерийской джигитовки с рубной лозы. Речь идет не о том, как воспримет такие критические упражнения сам их объект, речь идет прежде всего о читателе. Брань и раздражение критика тотчас же напоминают ему послоную: «Юпитер, ты сердитесь...», а жонглирование остротами или казачья дерзость в разборе произведения, как бы эффективно это зрелище ни было, оставляют ему роль стороннего наблюдателя, зрителя. Между тем читатель любит, чтобы критик обращался к ним, как с равными, чтобы он сделал его соучастником своих рассуждений, размышлений и доказывал вместе с ним. Читатель ни за что не разделит эмоций критика, если эти эмоции не подкреплены серьезными, объективными и убедительными размышлениями о книге.

Несомненно, и у нас в критике понятна и допустима резкость, хлесткость тона в отношении идейного противника или в адрес завоемой хаптуры, заядлому литературному ремесленничеству. В других же случаях нам, советским литераторам, идейным единомышленникам, делаются одно благородное дело, не пристало разговаривать друг с другом враждебным, раздраженным, сварливым тоном.

Речь, конечно, идет не об остроте критики. Она может и должна быть при надобности острой и резкой, без неуважения зынейнейших поклонов в сторону автора, отличаться прямотой и непримиримостью суждений. И этому во все не противоречит требование достоверности, непредвзятости тона. Правда сама по себе, какой бы жестокой она порой ни была, сохраняет всегда спонное достоинство в силу самой своей непреложности.

Справедливости ради следует бросить упрек и другой стороне. Есть еще у нас писатели, проявляющие неподдельную нетерпимость к критике и

готовые кричать «караул!» при малейшем замечании в их адрес. Нужно сказать, что такая излишне обостренная чувствительность и раннимся является просто-напросто литературной трусостью и большей частью объясняется неуверенностью в своих силах, в своем таланте. Настоящий талантливый художник мужественно и достойно встретит критику, сумеет взять из нее все полезное для себя и спокойно отведет несущественное и ошибочное в суждениях критика.

ПОЖАЛУИ, никогда еще и нигде литература не играла такой важной всепроникающей роли в жизни народа, общества, как в наши дни и в нашей стране. Естественно, что критик, разбирая явления литературы, соотносит их с жизнью народа, и понятно, что это налагает на него обязанность хорошо знать эту жизнь, обязанность, которая, увы, не всегда выполняется.

Но это одна сторона вопроса. А с другой стороны, часто, справедливо рассматривая литературное произведение как явление общественно-политической жизни, критик словно забывает о том, что литература — одна из областей искусства, что это в то же время категория эстетическая. Именно эстетическое (а не эстетского) анализа литературных произведений не хватает многим нашим критическим статьям, и разговор о содержании этих произведений сплошь и рядом не сопровождается разбором об их художественной форме. Трудно представить себе знаточа, который оценивал бы ковер только с точки зрения качества ниток, составляющих его, и при этом не обращал бы внимания на вытканый на нем узор. И странно, что нам снова и снова приходится доказывать самим себе очевидную истину — о том, что содержание нельзя отрывать от формы и что именно от средств художественного воплощения зависит общественно-политическая значимость произведения искусства, его воспитательная сила.

Вопросы художественного мастерства особенно волнуют сейчас наших литераторов. Об этом говорил на XXI съезде КПСС А. Твардовский, эти вопросы поднимались в большинстве выступлений на недавнем III съезде писателей, и важность борьбы за художественное качество литературных произведений подчеркнул тогда в своей речи Н. С. Хрущев. Между тем наши

критики еще не заговорили о проблеме художественности в полный голос, и хороший пример подал им недавно М. Исаковский своей статьей «Об этом надо сказать решительно и прямо». Эта статья — образец чистого, ясного, глубокого, требовательного, конкретного разговора о художественном мастерстве и будем надеяться, что и другие мастера нашей литературы включатся в этот разговор.

Критик, как и писатель, — общественный деятель. Естественно, что каждый критик стремится выразить общественное мнение и в то же время формировать его. Но право выражать общественное мнение нельзя себе присвоить, его надо заслужить, и это нелегкая служба. Когда же критик несерьезно декларирует свое право говорить от имени народа, на каждом шагу клянется именем народа, выдает свои собственные мысли и чувства за мысли и чувства народа, — такие статьи неизбежно вызывают недовольство и внутренний протест читателя. Народ сам заметит, какие положения критической статьи совпадают с его думами, сам возьмет на вооружение нужные ему мысли критика и отбросит то, что сочтет неверным и лишним, — предоставит это ему самому.

И, наконец, еще одно. В последнее время мы все чаще говорим о том, что из критического анализа почти исцезло понятие таланта автора, талантливости произведения. А ведь это понятие в той же мере относится и к самой критике. Критическое дарование — явление, пожалуй, еще более редкое, чем дарование прозаика, поэта, драматурга, и нам очень нужно говорить о степени талантливости критиков. Нужно потому, что еще слишком много рождается у нас серых, неинтересных критических статей, лишенных блеска ума, широты охвата явлений, богатой эрудиции, написанных сухонным, бюрократическим языком, напыщенных цитатами, на которые, как на костыли, опирается на каждом шагу нелюбимая мысль автора, словом, статей, созданных «без божества, без вдохновения», без которых не может жить ни одно произведение искусства.

А критика — это большое и ответственно-важное искусство!

ЖИЗНЬ В ДВИЖЕНИИ

ПРИБЫЧКА — это плохо. «Замена счастью она», как известно из классики. Привычки мы читаем романы и повести о том, как во главе отстающего общества становится новый человек и вместе с ним попутно расцветают. Или: приказано работать на стройку в колхоз молодой парень (девушка). Сначала дело у него (у нее) не ладится, потом все идет как по маслу. Сколько их, написанных по привычке, испробованных, шаблонному сюжету произведений! И чем больше их, тем меньше радости для читателя.

Однако виноват ли сюжет? Ведь это часто повторяющаяся в самой действительности ситуация. Точнее (и в этой точности все дело), повторяется лишь часто внешняя, событийная канва. За каждым сходным событием стоит иной характер, своеобразное человеческое судьбы. Унылое однокорпусное получает там, где человек заслужает «средним» фактом, очиненным от индивидуального примера. Если же идти от человека, то возможно бесконечное множество конкретных решений, свежих и оригинальных...

Вот о чем думаешь, читая произведения молодого прозаика Александра Ремечку. Они откровенно полемичны. Но полемичны по-своему. А Ремечку берет «защитные» сюжеты. Те самые — о молодом человеке на стройке и о новом руководителе отстающего предприятия. Но расширяет он их совсем с другой стороны. Не изложение событий, не перекачка фактов в лицах привлекают внимание автора. Он подводит к знакомым сюжетам «изнутри».

В новой повести молодого писателя «Время летних отпусков» мы видим интересный психологический процесс, далекий, однако, от «чистой» психологии. Буквально на наших глазах служебный долг превращается в дело близкое, личное, любимое.

Работа на себе потихоньку на нефтяном промысле геолог Светлана Паньшук. Аккуратно, добросовестно несла полаганные обязанности. А сейчас, когда мы с ней знакомы, занята исключительно предстоящим отпуском. И вдруг — неожиданное назначение. Даже в какой-то мере случайное. Нитро не говорит об «ответственности», все обобщает строго по-деловому, без многократных «без», «хотелось бы». Именно возглавляет Уль-Ятский нефтяной промысел. Почему именно Светлана? Но ведь сейчас время летних отпусков. Ничего более подходящего не нашлось. Герой попадает в новые обстоятельства. И человек меняется. Откуда только берутся эта энергия, решительность, смелость у человека флегматичного, на первый взгляд, девушки? И здесь автор не идет по протоптанной дорожке внезапных «перерождений» и «обнажений» героя. Ему удалось раскрыть характер, плановое и последовательное, без тех резких «скачков», когда читатель подчас кажется, что две страницы назад ему рассказывали совсем о другом человеке.

А Ремечку постигает и другую сложность человеческих чувств и размышлений — неприятие их выражение. Новую Светлану Паньшук мы наблюдаем не только в том, как она поднимает добычу нефти на отстающем промысле, но и в том, как меняется ее отношение к бывшему начальнику промысла — Брызгалову.

Сначала — это уважение: многому научил, помог. Ей было даже жалко его, отстраненного от руководства, «пострадавшего». Но вот Светлана стала смотреть на работу промысла в целом, не только с позиции прежнего своего «рабочего места». И совсем в ином свете предстает перед ней деятельность Брызгалова. Его пассивно-покорное: «Ну, чем можно помочь? Промысел исчерпан», — стало вызывать раздражение. Потом родился осознанный протест против равнодушия человека. Лучше отвести за ошибку, совершенную в ин-

А. Ремечку. «Время летних отпусков». «Знамя», № 7, 1959.

з. ФИНИЦКА

тересов дела, чем сидеть сложа руки во имя собственного благополучия. Светлана идет на борьбу с «брызгаловщиной», отстаивая интересы своего промысла.

Мы не становимся свидетелями всеобщего ликования по поводу перевыполнения плана. В повести «Время летних отпусков» нет этой жирной и уверенной точки, которая часто является то в виде митинга с восторженными речами, то в облици разухабистой свадьбы в масштабах целого района. Светлана не успела завершить своих нововведений. Приехал новый — постоянный — руководитель. Но «точка» нам и не нужна. Мы чувствуем: люди на промысле захвачены идеями молодого геолога. А главное — Светлана стала другой. Она едет, наконец, в отпуск. Мечтает к станции «Победа». Но мысли Светланы там, на промысле. И она, «обернувшись, промывала глазами желтую струю», на которой написана: «До Уль-Ят 50 км». Многозначительная и сама за себя говорящая деталь!

Мы не знаем, что случится дальше в жизни молодой женщины. Незавершенность? Нет. Перспектива? Мы сами многое «домысливаем» за автора. То о чем рассказано, — только один момент из жизни героев. Будет у них и много другого — трудного и веселого, интересного и скучного. Все вперед.

Умение схватить действительность в ее движении и развитии, принципиальное нежелание «закруглять» судьбы героев — это и есть то «свое», что упорно отстаивает А. Ремечку.

Но не только это. Молодой писатель находит гармоничное сочетание «лю-

бовного» и «производственного». У него нигде чувства ханжески не отстает перед «служебным долгом». Светлана Паньшук, может быть, потому удачно упорно борется за новые методы нефтедобычи, что первым о них заговорил Глеб Горелов. Тот Глеб, свое отношение к которому она никак не может определить... Не может, и все.

Но тут с сожалением приходится констатировать живучесть старой истины, что недостатки часто являются прямым продолжением достоинства. Не признает А. Ремечку завершающих «циклов», когда речь идет о человеке, его работе и отношении к труду. Но ведь не могут бесконечно длиться недоразумения между влюбленными. Люди либо расстаются навсегда, либо остаются вместе. У героев не молодого писателя эта определенность в отношениях так и не наступает. Мы не можем быть уверены, что Светлана осудила слабоумного и каково-то неустраиваемого в жизни Глеба. Как будто это так, но может быть, и не так... В истории труда и роста героев многое опускано, но оставалось подразумеваемым. В личных делах многое остается просто неизвестным: здесь писатель идет не от жизни, не от человека, а от полубившегося ему художественного приема. Непостоянность заменяется нарочитостью.

Однако, думаешь, тот поток жизни, который живо чувствуется А. Ремечку, смеем с его дальнейших произведений на носок — нарочитость. Ведь у него, как и у его героев, все вперед.

ПАРОДИЯ НА ПАРОДИЮ?..

У ЧЕМПИОНА украл часы. Это случилось в мартовском номере журнала «Юность» за 1959 год, в первых главах повести М. Малярского и Д. Холендро «Часы чемпиона». Вскоре, к радости читателей и удовлетворению редакторов, усилиями самоотверженных работников милиции часы нашлись. Это произошло на страницах той же «Юности» в мае, в последних главах упомянутой повести М. Малярского и Д. Холендро.

С тех пор прошло немало времени, однако следствие по этому запутанному делу не закончилось и до сих пор. Обнаружилось, что злополучные часы были украдены у чемпиона не в марте 1959 года, а два месяца раньше, в январе. Злодеяние совершил, на страницах одного ведомственного журнала в рассказе «Сорок два телефонных звонка». И хотя рассказ этот назван «шуточным», дело оказалось вовсе не шуточным. Обстоятельства хищения часов на страницах обоих журналов почти полностью совпадают. Пострадал и там, и здесь — голландский чемпион (Том Кейс — в ведомственном журнале, Питер Кеес — в «Юности»), приехавший в Ленинград на юнкюбские соревнования. Похищены часы «Филипп Пате», «старые, с почерневшей серебряной крышкой», «с ними от Швеннигенского берега уходил в море его дед-рыбак, с ними встречал зарю его отец, который выращивал

и характеры действующих лиц из шуточного рассказа «Сорок два телефонных звонка». — Простите, — возразит М. Малярский и Д. Холендро. Шуточный рассказ «Сорок два телефонных звонка» — пародия на детektiv и авторы его мы. Не можем же мы оборвать себя! И они будут правы. Оборывать самих себя нельзя. — Но как объяснить тогда ту нешуточную вещь, что повесть «Часы чемпиона» порой дословно повторяет рассказ «Сорок два телефонных звонка»? Как объяснить тот факт, что шуточный рассказ и «серьезная» детektivная повесть имеют один и тот же сюжет, характеры и даже имена некоторых действующих лиц? (Если повесть «Часы чемпиона» и отличается чем-то от рассказа «Сорок два телефонных звонка», то в основном тем, что она безбоязненно растянута, насыщена необязательными подробностями и эпизодами.)

Что же здесь действительная пародия? Если рассказ «Сорок два телефонных звонка», то в основном тем, что она безбоязненно растянута, насыщена необязательными подробностями и эпизодами.

Итак, дальше, и тому поделу ясно, — скажут читатели. — Налицо плагиат. Авторы повести «Часы чемпиона» выкрали сюжет, композицию

и характеры действующих лиц из шуточного рассказа «Сорок два телефонных звонка». — Простите, — возразит М. Малярский и Д. Холендро. Шуточный рассказ «Сорок два телефонных звонка» — пародия на детektiv и авторы его мы. Не можем же мы оборвать себя! И они будут правы. Оборывать самих себя нельзя.

— Но как объяснить тогда ту нешуточную вещь, что повесть «Часы чемпиона» порой дословно повторяет рассказ «Сорок два телефонных звонка»? Как объяснить тот факт, что шуточный рассказ и «серьезная» детektivная повесть имеют один и тот же сюжет, характеры и даже имена некоторых действующих лиц? (Если повесть «Часы чемпиона» и отличается чем-то от рассказа «Сорок два телефонных звонка», то в основном тем, что она безбоязненно растянута, насыщена необязательными подробностями и эпизодами.)

Что же здесь действительная пародия? Если рассказ «Сорок два телефонных звонка», то в основном тем, что она безбоязненно растянута, насыщена необязательными подробностями и эпизодами.

Итак, дальше, и тому поделу ясно, — скажут читатели. — Налицо плагиат. Авторы повести «Часы чемпиона» выкрали сюжет, композицию

Тысячи москвичей в эти жаркие дни совершают увлекательные экскурсии по Москве-реке. На снимке: Наташа Воробьева, студентка 3-го курса Московского станкостроительного института, — на лодке пархода.

Фото М. Скучиной

НОВЫЕ СЛУХИ

ДМИТРИЙ ГУЛИА,
народный поэт Абхазии
НАД МОРЕМ

Словно орел, распростерший черные крылья,
Медленно туча над морем кружит,
Ветер, сорвавшийся с гор, треплет ее,
Вырывая черные перья.

Там, между морем и тучей,
Я вижу на небе точку,
Она все ближе и ближе,
И вот жужжащий кружочек
Летит над моей головою.

Летит самолет серебряный,
На морском орла похожий,
Действительно очень быстро!
Но только летит он так быстро!

Летит самолет! Я вижу —
Скользит над пучиной гневной,
И разум его обгоняет
Стремительный бег вселенной.

ВОСПОМИНАНИЯ

О МЕЛЬНИЦЕ

Мельница шумливая, как море,
Мельница с водой на колесе —
Ей река воды давала волю,
Днем и ночью жернова молили,
Устали не ведал совсем.

Помню эту мельницу,
Я в детстве
Засыпал под плеск ее воды,
Как под звуки колыбельной песни.
Неустая жернова молили...
Мельница шумливая, как море.

Мельница и люди в чем-то схожи,
Мне б такую мельницу быть.
День и ночь вот так трудиться тоже,
Чтоб на слух людям послужить.

Нет прекрасней этого желанья:
Жить для неустоянного труда,
Чтобы о тебе вспоминашь
Тоже не исчезло никогда.

Перевел с абхазского
Н. РАЗГОВОРОВ

ФИЛЬМЫ ФЕСТИВАЛЯ:

- «Орел» (Польша)
- Дневник Анны Франк (США)
- Документальные фильмы (Франция)

«Орел» продолжает сражаться

Мы вели споры с нашими друзьями, полными кинематографистами и критиками, стремясь лучше понять друг друга, и творческая дружба крепла между нами и становилась глубже не только в результате теоретических дискуссий и личных контактов, — нас радовали и сблизжали сами факты искусства: новые советские и польские фильмы.

Мы были покорены трагической силой картины «Канал», ее талантливой драматургией, умной, острой режиссурой, тонкими артистическими подробностями, хотя нам казалось, что и в этой трагической ситуации могло бы остаться больше места для человеческой надежды.

Порадовал нас и «Волны города», показанный в прошлом году в Румынии на Второй конференции работников кинематографии социалистических стран. И вот в Киевском театре мы явились свидетелями заслуженного успеха нового польского фильма «Орел», поставленного режиссером Леонардом Бучковским (сценарий Л. Бучковского и Януша Майснера).

На рассвете 1 сентября 1939 года радио принесло экипажу польской подводной лодки «Орел» известие о начале войны. Одинокая подлодка начинала неравную борьбу с гитлеровскими кораблями и торпедными катерами. Запасы нефти подошли к концу. Подлодка вынуждена войти в нейтральный порт Таллин, где ее интернируют. Однако команде, руководимой патриотом Грабинским, удается вырваться из порта и уйти в море. Флот и авиация гитлеровцев днем и ночью преследуют «Орла», но не в силах сломить мужество и волю его команды. Ничто не может заставить этих людей отказаться от борьбы — ни губительные бомбы, ни пробы, ни смертельная усталость. «Орел» выходит на свободные просторы Северного моря.

В этом фильме без женщины и тривиальной любовной интриги сухо и холодно показана тяжкая работа войны, жизнь и борьба патриотов. Фильм захватывает силой своего скульптурного реализма, точностью деталей, сдержанной простотой актерского исполнения. Особенно хочется отметить мастерство артиста Венцислава Глинского, играющего роль капитана Грабинского.

Очень трудно подняться в атаку под пулеметным огнем; и кажется, смотреть бесстрашно в глаза смерти — это самое суровое испытание человека, чтобы сохранить человеческое достоинство в нечеловеческих условиях, иной раз требуется, быть может, не меньшее мужество. Фашисты стремились не только разгромить армию, покорить чужие страны, но и разорить души, — они понимали: без этого не добиться полной победы. И в самом деле, там где жила человечность, борьба с фашизмом непременно продолжалась.

Когда тринадцатилетняя еврейская девочка Анна Франк, вынужденная в течение двух с лишним лет прятаться со своими родителями и их друзьями от нацистов на чердаке одного из домов Амстердама, когда эта девочка, которая могла превратиться в згравленного зверька, на последних страницах своего дневника записывает: «Не смотря ни на что, я все-таки верю, что люди — хорошие», — это еще одно свидетельство того, что перед подлинным гуманизмом фашизм бессилен. Дневник Анны Франк переведен на многие языки и необычайно популярен. Этот человеческий документ потрясает силой обличения фашизма, человеконенавистничества, расового изуверства, утверждая мужество и человечность.

Но вот проходил эпизод за эпизодом американского широкоэкранный фильм «Дневник Анны Франк» — поставленный режиссером Джорджем Стивенсом по сценарию Ф. Гудрича и А. Хаккета. И чем дальше мы смотрим эту картину, снятую блестящим оператором в Амстердаме — там, где скрывалась Анна Франк, картину, в которой играют отличные актеры (особенно хороша исполнительница главной роли — Милли Перкинс) и каждый, буквально каждый кадр как будто бы безужоризненно достоверен, тем сильнее хочется нас сломить с создателями фильма. Пусть нас не истолкуют превратно. В фильме «Дневник Анны Франк» есть превосходные сцены, интересные находки: вряд ли можно забыть приближающуюся сирены полицейских машин и лица героев, ожидающих, не заскрежетит ли торпеды у их дома; свидание и первый поцелуй Анны и Питера, их слезы, обнимающаяся на фоне стены.

И все-таки мы ожидали увидеть фильм о незаурядной натуре, о такой любви к жизни, к свету, к добру, которую ничто не может одолеть, — нам

Очень подкупает отсутствие в фильме мишениров, которые, увы, становятся модными в документальных фильмах в других странах, когда их авторы, робая перед фантазией самой жизни, стремятся «украсить» их введением акторов-профессионалов или любителей. Французский фильм прекрасно передает атмосферу подлинности. Здесь «играют» руки хирурга,

Мелкое и крупное

же рассказали о непосредственной, чистой, по-своему очень милой, немного экстравагантной девочке, да и только... Мы думали, что это будет картина о высоком мужестве, о человечности, которая торжествовала, несмотря ни на что. Увы, нам кажется, главный герой фильма «Дневник Анны Франк» — страх. Страх, вызванный бомбежкой, опозданием людей, которые прячут героев, страхом в дверь, телефонным звонком, кошкой, забравшимся в дом, режиссерами Кошки и т. д. и т. п. Герой фильма совершенно раздвоен. Вот почему их очень жалеешь, им от всей души сочувствуешь, но уважения они не вызывают. А ведь реальная Анна Франк до конца сохранила ту силу жизни, ту любовь к людям, которые нельзя не уважать, — это ли не торжество гуманизма?

И хотя авторы стремились показать правдивое превосходство жертв нацизма над гитлеровцами, — в фильме запечатлен постепенный процесс обезчеловечения несчастных, захваченных людей. У героев не хватает сил даже для настоящей ненависти к фашистам. Меняется и их отношение к товарищам по несчастью: в сущности, большинству уже нет дела до других, каждый поглощен собой. Они достойны жалости? Безусловно. Но принять ту гуманизм, что внушает человеку: любой ценой ты должен сохранить свою жизнь, нет цели достойной и значительной, — принять этот гуманизм мы не можем: слишком часто мы это хорошо знаем, он превращается в свою противоположность.

Через мелкое в искусство можно раскрыть крупное. Здесь же мелкое часто заслоняет крупное. Вероятно, поэтому фильм кажется необычайно статичным и даже лиричным подлинно внутреннего драматизма. Кошка, что несколько раз чуть было не выдала убежище героев фильма, оказывается важнейшей игровой деталью, куда более значительной, например, чем радиоприемник. А ведь приемник — это связь с большим миром, где идет борьба с гитлеровцами, борьба, от исход которой, в конечном счете, зависит и судьба героев. Так, обилие ненужных частных подробностей создает кое-где впечатление неуместной бесстрастности.

Фильм «Дневник Анны Франк» сделан талантливыми людьми, но и он вновь подтверждает, что решение даже чисто эстетических задач художником во многом зависит от характера его гуманизма.

Л. ЛАЗАРОВ

Атмосфера подлинности

Меня радует, что авторы французских документальных фильмов проявляют пристальное внимание к человеку.

Герой фильма «Диагноз» — сердце французской девушки, грешащее сложной, опасной операцией. И вот для того, чтобы это сердце продолжало биться, трудится большая коллекция людей — врачей и солдатской сложнейшей медицинской аппаратуры. Об этом фильме. Подготовка операции, тончайшие исследования организма больной и состояния сердца и наконец сама операция и ее счастливы исход, когда

ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА СВОБОДУ ГРЕЧЕСКИХ ДЕМОКРАТОВ!

1. Наши читатели хотят знать, что сделала ваша комитет за последнее время, чтобы добиться пересмотра дела Глезоса и других осужденных?

Международный комитет в защиту Манолиса Глезоса на заседании, состоявшемся после вынесения приговора в Афинах, принял решение продолжить борьбу, чтобы добиться освобождения героя Акрополя и других осужденных греческих патриотов. Комитет обратился к иностранным наблюдателям, присутствовавшим на процессе, с призывом рассказать всему миру о том, как происходили «суды» над Глезосом. Их подробные свидетельства будут изданы отдельной брошюрой. На днях вышел в свет информационный бюллетень, подготовленный нашим комитетом, в котором собраны заявления, высказывания юристов, отклики греческой и международной печати и другие важные документы.

Международная ассоциация юристов-демократов, со своей стороны, обратилась к юристам всего мира с призывом продолжить борьбу за освобождение осужденных и за отмену всех «чрезвычайных законов». Одним словом, мы усматриваем свою задачу в том, чтобы добиться пересмотра дела Манолиса Глезоса и других греческих демократов.

2. Каковы, на ваш взгляд, юридические основы для такого пересмотра?

Греческие адвокаты уже подали две кассационные жалобы, стремясь добиться аннулирования незаконного приговора высочайшего Глезоса и его отважных друзей. Обе жалобы базируются на современном греческом законодательстве, указывают на неправомерность применения в деле Глезоса пресловутого закона № 375. Характерно, что на следующий день после вынесения приговора даже в проправительственных газетах были опубликованы статьи, где ставилась под сомнение законность процесса. Имеются

Интервью с членом Международного комитета в защиту Манолиса Глезоса Жюэ Норманом

реальные юридические предпосылки для того, чтобы греческая кассационная палата аннулировала позорный приговор.

3. Как вы рассчитываете мировую реакцию на решение аринского трибунала?

Мировая общественность убедилась в том, что обвинение, сфабрикованное против славного героя греческого народа и его друзей, ни на чем не основано. Стало совершенно очевидным, что истинная цель организаторов процесса Глезоса — стремление запугать демократические силы. Я считаю, что защитники греческих патриотов одержали замечательную

победу. Их упорная борьба за справедливость заставила силы реакции отступить. Сейчас важнейшая задача защитников Глезоса во всех странах мира — продолжить борьбу за пересмотр «дела» Глезоса и за отмену всех и всяческих «чрезвычайных законов», за освобождение политических заключенных.

4. Газета «Монд» в одной из своих статей прямо заявила расправу над греческими демократами с помощью на французских территориях в Африке. Сообразны ли вы с тем, что процесс в Афинах—это не изолированное явление, а характерное для многих стран? Я считаю, что позорные методы, примененные в Греции, к сожалению, не являются монополией этой страны. Поэтому мощное движение международной общественности в защиту политических свобод неизбежно будет иметь благоприятные результаты также и за пределами Греции. ПАРИЖ, 7 сентября. (По телефону)

Мемориальная доска памяти Маргариты Бербет в гор. Турней.

Дочь Бельгии

ПЯТНАДЦАТЬ лет тому назад, 7 августа 1944 года, в 18 часов 34 минуты в застенках фашистской тюрьмы Вольфенбуittel в Германии гестаповцами было совершено еще одно чудовищное преступление: ударом топора была обезглавлена бельгийская патриотка Маргарита Бербет.

Красивая, горячая и спокойная Маргарита Бербет взошла на эшафот так же мужественно и бесстрашно, как мужественно и без страха она выполняла свой долг партизанки и организатора движения Сопротивления Бельгии.

Но вот, почувствовав надвигавшуюся опасность, перед выполнением одного очень ответственного задания, Маргарита в письме к своему педагогу и другу писала 13 ноября 1941 года: «Дорогой друг! Среди всех моих друзей я выбрала именно вас, чтобы просить о выполнении моих последних желаний... Я погибну, чтобы доказать, что можно безумно любить жизнь и одновременно признавать необходимость жертвовать ею. Перед вами будет стоять задача—смирить гора моей матери. Скажите ей, что я умираю за то, чтобы небо над Бельгией было более чистым, чтобы те, кто придет мне на смену, могли жить свободными, как я этого так страстно желала для себя, и это, несмотря на все, я ни о чем не жалею. Я пишу вам в такую минуту, когда спокойно жду новых указаний; я еще и сама не знаю, что это будет за приказ; возможно, что меня встретит смерть. Поэтому я хочу проститься с вами, потому что целиком отдавала себя воспитанию молодого поколения. Это ему предстоит возродить и перестроить жизнь. Я думаю также и о ваших детях, которые завтра будут свободными. Прощайте».

Короткой, но такой содержательной и полной была жизнь Маргариты Бербет, национальной героини Бельгии, педагога, писательницы и поэтессы, которую родина наградила посмертно Рыцарским крестом ордена Леопольда II с пальмовой ветвью, Военным крестом с пальмовой ветвью, Памятной медалью 1940—1945 гг. и медалью участника Сопротивления.

Приду молодой бельгийской патриотки принадлежат стихи и ряд новелл, вышедших перед самой войной в сборнике «Героический концерт». Среди этих новелл самым значительным и интересным является рассказ «Скерицо», посвященный трагической гибели во время гражданской войны в Испании в 1936—1939 годах пианиста-виртуоза и композитора Мишеля Карро. Тонко и с глубоким пониманием настроений, патристического порыва и гражданского долга описывает Маргарита Бербет переживания своего героя, который пожелал быть вместе с испанским народом в тяжелые дни его суровой борьбы с фашизмом.

С первых дней 1940 года работала Маргарита над созданием организации Сопротивления в городе Турней. По-настоящему круг ее участников ширится. С начала 1941 года Маргарита удается наладить выпуск еженедельного журнала «Ля Деллванс» («Освобождение»). Сколько удовольствия ей доставляло раскрывать вручную простую акварелью национальный бельгийский флаг на обложке каждого номера! Она вступает в 803-й батальон армии Освобождения Бельгии, впоследствии влившись в Секретную армию. Маргарита поручено собирать и доставлять в Брюссельскую группировку Секретной армии Бельгии сведения о немецких войсках, численности гарнизонов, вооружении, складах боеприпасов, движениях воинских эшелонов и т. п. У нее на квартире в городе Турней спрятан целый склад оружия и боеприпасов.

В августе 1942 года Маргарита получает приказ собрать сведения из аэродрома в городе Шевр. Вместе со своей подругой и участницей Сопротивления Сесиль де Турней она отправляется на пленку и подруги удавались успешно завершению своей задачи, их схватили эсэсовцы, наблюдавшие за ними из здания.

И начались допросы и пытки, переводы из одной тюрьмы в другую, еще более изнуряющий голод, карцер и ручные кандалы. И все это не сломало боевого духа отважной патриотки. Она находит в себе силы писать стихи, а одно из них ей даже удается передать через монахиню своим близким на волю.

22 марта 1944 года в 8 часов 30 минут — вспоминает Сесиль де Турней, — нас повели под охраной солдат с примкнувшими штыками и офицерами с пистолетами нагнать во «Дворец юстиции», где начался суд военный трибунала. Зачитали длинный список наших преступлений, ничего не дали возразить, выслушали торопливые выступления адвокатов и через полчаса огласили приговор: Маргарита Бербет приговаривается к смерти, а Сесиль де Турней — к 8 годам каторжных работ. Нам предложили обратиться с просьбой о помиловании, но мы решительно отвергли эту возможность. Возмущенный гитлеровец кричал Маргарите: «Глуго строишь из себя новую Жанну Д'Арк».

Еще несколько месяцев просидела Маргарита в камере смертников в Брюньинке с французской патриоткой Марте. А утром 7 августа под сильным конвоем она была доставлена в тюрьму Вольфенбуittel, где ей разрешили написать завещание и последние письма родным, которые так никогда и не дошли до адресатов.

Маргарита Бербет не колебалась и не задумываясь, отдала свою юную жизнь за то, «чтобы небо над Бельгией было более чистым и чтобы те, кто придет ей на смену, жили свободными».

Ю. ГАВРИЛОВ
Мария ФОРТУС

Литературные отщепенцы

В ЖИЗНИ нередко бывает, в числе твоих знакомых появляется еще один человек. Вскоре он становится твоим лучшим другом. Он льнет к тебе, глядит в глаза, и порой кажется, что такой верности свет еще не видел. Но через некоторое время он вдруг охладевает. В чем дело? А дело в том, что раньше ты ему был до разреза нужен, а теперь нужна отпала. Почувствуй это, как говорится, с ходу становится твоим злейшим врагом. Тогда — берегись. Более подлого врага не найти.

Я говорю это к тому, что среди зарубежных реакционных еврейских писак, особенно в США, наиболее ядовитые и злобные — это жившие прежде в Польше писатели, из тех, кто в начале второй мировой войны бежал из оккупированной родины в Советский Союз и здесь, пристраившись к советскому народу, переждал опасное время. Они спали в кроватях, которые уступали им хозяева дома, ели советский хлеб, не забывав при каждом удобном и неудобном случае хапнуть своей «левой ориентацией». Когда Советская Армия освободила Польшу, они подались к родным могилам, но не надолго, ибо здесь требовалось засучить рукава и строить новый мир. Это им оказалось не по вкусу. Нет, на обратном пути могилы были лишь временной остановкой; вскорости они уехали подальше от родины, на другой берег океана, туда, где на грязных барачниках можно продать модную антисоветскую клевету.

Да, клевету и предательство они, потерявшие совесть, сделали своим ремеслом. Это ремесло, как и prostitution, хотя и оплачивается, но все же без исключения презирается.

До нас, советских людей, до еврейских писателей в СССР, то и дело доходят невероятные по своей гнусности статьи и выступления подобных субъектов. Каков еще чувство могут они у нас вызвать, кроме чувства гадливости и досады, что в годы величайших испытаний мы, борющиеся с оружием в руках против открытых врагов, пожимали руку этих замаскировавшихся врагов?

Справедливости ради следует упомянуть, что советскому писателю-еврею и в те годы было не очень приятно иметь дело с таким, например, «сверхзачисленным», как поэт Хайн Граде, — самодовольным снобом, рекламирующим вездю и всюду свой собственный талант. В действительности же он — середняк в поэзии. Его творчество отмечено архаичностью, идеализацией старины и каким-то упрямством «конфликтованием» провинциала с современной действительностью.

На скромных по своей природе со-

ветских людей Граде производил отталкивающее впечатление. Когда он переставал говорить о своем таланте, он начинал брюзжать о трудностях, он как будто не понимал, что не на блины его к нам пригласили, а сам он, спасаясь от войны, нашел себе убежище в глубоком советском тылу...

Кончилась война, и Граде уехал в Польшу, откуда (не поладив с народом) — в США, где прямо с парохода являлся в архиепископскую антисоветскую еврейскую газету «Форвертс». Он выложил на стол свой «тар» — клевету на советский образ жизни, на нашу культуру, литературу, на тех литераторов, которые в тяжелое время делили с ним кусок хлеба. Желтая газетенка, разумеется, обеими руками ухватилась за это...

Прошло немного времени, и «Форвертс» преподнес читателю новое имя: Израиль Эмиот. Его сочинение имело загадочное заглавие «В Биробиджане, в лагерях для рабов и в государстве Израиль».

Во вступительной статье, призванной привлечь внимание читателя к личности Эмиота, «Форвертс» описывает его привлекательные качества. По мнению «Форвертса», самое ценное в Эмиоте — это его благородное происхождение. Он, да будет вам известно, внук самого Мордхе-Лейба. А Мордхе-Лейб славился во время оно, как «хосид» и знаток «черных бубочек» — талмуда. Еше обильшая слава выпала на долю отца Эмиота — Носи-Довида, который приходился зятем самому Порисовскому рабину!

А почему, спросит читатель, серия статей Эмиота снабжена подзаголовком «Мои тяжелые годы в Советской России...»? Да потому, что в тот момент, когда внук Мордхе-Лейба решил, стать ли ему равнином или просто, разразилась война, и ему пришлось жить в большевистской России. Кроме того, Эмиот «участвовал в войне». Вот как картинно описывает это «Форвертс»: «Он бежал от разрывов бомб и от огня войны. Так бежал, что попал изгоем в Алма-Ату, главный город Советского Казахстана...»

А в каких ужасах пишет Эмиот? Мы хотели для примера выбрать пару цитат, но ничего не нашли. Это какой-то детски-наивный лепет, бездоказательный, не умный и не любящий.

Позвольте, могут мне возразить, зачем понадобилось «Форвертсу» печатать эти статьи, если они «руководные»? Ответ прост: не только то, что написано в статье, интересует «Форвертс». Главное для них — использовать фигуру перебежчика для того, чтобы

«Хосид» — фанатичный приверженец хосидского рабства (религиозного «чудотворца»).

«зубры», специалисты по антисоветской клевете, могли соответствующим образом «подать» читателю эту «жесткую большевиков», снабдив статью броским заголовком, интригующим подзаголовком, злобным вступлением «от редакции». Разумеется, и Эмиот получает свои доллары.

Конечно, не только такие, как Граде и Эмиот, пользовались нашим гостеприимством. Вернулись в последние годы в СССР на свою родину, в Польшу, и плодотворно там работают историк Бер Марк, поэт Давид Сфард и другие.

Показателен путь одного из крупнейших еврейских прозаиков Эфраима Кагановского, поселившегося в СССР после того, как Польшу оккупировали гитлеровцы. В 1947 году по семейным обстоятельствам Кагановский уехал во Францию. Но он не ушел в лагерь реакции, не отдал анкетированной газете свое перо. Эфраим Кагановский до последнего часа своей жизни (он умер в прошлом году в Париже) оставался активным деятелем прогрессивной культуры и испытанным другом советского народа.

Можно привести и другие факты. В московском издательстве «Советский писатель» выходит сборник избранных стихов и поэм советского поэта Якова Штернберга. Бывший румынский подданный, Штернберг прошел тот же путь военных скитаний, что и другие писатели из стран Восточной Европы. Но как это отразилось на его творчестве? Вступив в 1939 году на советскую землю, он в одном из стихотворений благоговейно произнес: «Был уже я здесь, когда был там». В эвандиции Штернберг, как бы усвоенный народом Узбекистана, много размышляет о древней истории узбекского народа и его новой счастливой судьбе. После войны Я. Штернберг остался в Советском Союзе, хотя и не прорывает связи с Румынией.

Таковы писатели, не продающие музу за доллары. Ну, а Эмиоты? У нас, в Советском Союзе, от них ровнехонько ничего не осталось: ни стихов, ни хотя бы охапки дров, которую любой мужчина принес бы, живя в чужом доме. Я имел случайное удовольствие знать этих господ. С безграничным чувством пишу о них. Но приходится еще раз заплатить в нечистоплотные души: Ведь в зарубежной реакционной еврейской прессе, особенно в американской, антисоветские «живые свидетели» стали уже слишком нахально торговать своей совестью. Видно, не от хорошей жизни эти газеты подбирают литературных отщепенцев. Больше никому раздувать клевету на страну социализма.

Арон ВЕРГЕЛИС

Иржи Трнка: Даже девушки похорошели...

— Жарко! — говорит, входя в свой номер в гостинице «Москва», Иржи Трнка, известный чехословацкий художник, автор многих кукольных и рисованных фильмов. — Слушайте, почему у вас в Москве так жарко?

Почему жарко в Москве? На этот вопрос отвечает разве что синтопик. Почему жарко Иржи Трнке? — на это, пожалуй, ответить легче. Да он и сам всегда все объясняет своим рассказом. Когда кинофестиваль проходит в каком-либо небольшом городке, говорит Иржи Трнка, например в Карловых Варах или Канне, то весь город живет одним только фестивалем. Здесь же, в Москве, культурная жизнь так многогранна и богата, что невозможно, как бы ты ни был занят, «рождающие «сболазны» зайти в музей или на выставку. В том-то и состоит своеобразие Московского фестиваля для его участников, что здесь у них появляется масса новых, «побочных» интересов.

Видно, Иржи Трнка тоже не избежал «сболазов» столицы, и когда день становится особенно напряженным, жарка кажется совсем невыносимой.

— Я был в Москве три года назад, — рассказывает чехословацкий художник, — и с тех пор все изменилось к лучшему — и город, и люди. Москва очень выросла. Я помню, что она начиналась когда-то у Калужской заставы, а теперь заставой громадный новый город. Это просто удивительно. Гораздо лучше стали одеваться люди, мне кажется, даже московские девушки похорошели. Впрочем, — Иржи Трнка рад шутке, — в одном лишь незаметно из меньшего прогресса: в работе официантов. Они здесь невероятно медлительны, и перед мной постоянно стоит дилемма: либо уйти голодным, либо опоздать к на-

чалу просмотра. Вы только не пишите об этом, а то мне, чего доброго, они теперь вообще не дадут есть...

— Какие фильмы из увиденных на фестивале вам понравились?

— Честно говоря, не многие. Но я бы сказал, что уже видел фильм, который заслуживает главной премии, — это «Судьба человека» Сергея Бондарчука. Я очень высокого мнения об этой картине. Хочется также отметить хорошую организацию Московского фестиваля. Я ни разу не видел худшего из худшего, что одна из важнейших его целей — улучшение и развитие творческих связей между киноработниками самых различных стран — будет успешно достигнута.

Иржи Трнка приехал в Москву не только на кинофестиваль, но и на выставку своих работ, которая вскоре открывалась в Центральном Доме литератора. Я прошу его рассказать о ней.

— Задача выставки, — говорит художник, — познакомить тех, кому это интересно, с тем, как делаются кукольные фильмы. Подобные выставки уже состоялись ранее, в Берлине, Варшаве и Токно, но московская несколько богаче и полнее их. Из Москвы экспонаты выдвинуты в Норвегию и ряд других стран. Меня приятно обрадовало, что многие москвичи, особенно молодежь, знают мои иллюстрации.

— Расскажите, пожалуйста, о своей последней работе — о кинофильме «Сон в летнюю ночь» по пьесе Шекспира.

— Он занял у меня два года напряженного труда и поисков и был закончен этой весной. Мне кажется, что фильм удался, хотя, разумеется, ряду людей он и не понравится. Прежде всего тем, у кого иные, чем у меня, требования к кино и кому попросту противопоставлено даже в фильме переноситься в «древство сна». У этой картины много определенных, она — куклообразная, цветная, полуметражная, широкоэкранная, стереофоническая. Если говорить о ее характере, то, мне кажется, можно сказать, что зритель увидит на экране нечто близкое балету и пантомиме. «Сон в летнюю ночь» выйдет на экраны Чехословакии осенью.

— Последняя просьба, — обращается я к Иржи Трнке. — Нам хотелось бы опубликовать это интервью вместе с вашими автошаржем.

— Автошаржиatura, как мы говорим? Вы знаете, я рисую с детства, проиллюстрировал 49 книг и сделал 20 фильмов. Мои рисунки исчезают тысячами, но мне никогда не приходится делать автошарж. Это впервые в жизни. Впрочем, я попробую.

Иржи Трнка берет лист бумаги и склоняется над ним. Через минуту он протягивает мне рисунок.

— Ну как? Получилось? — спрашивает он.

— По-моему, вполне, — отвечаю я. — Однако предоставим лучше судить читателям.

Ю. ГАВРИЛОВ

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакций: литературной и искусства — Б 1-11-69, внутренней — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Время, события, люди

ИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

ДУШНО В БУНДЕСТАГЕ...

ДЕПУТАТЫ разрабатывали инструкции для женовских пируэтов герра Бренно. Внезапно в зале фракции христианско-демократического союза (ХДС) кто-то простался.

— Душно...
Руководство фракции заерзло в красках и настороженно потянуло носом.

— Пахнет чем-то, — дипломатически подтвердили в президиуме, — дерзно прозувало под сводами западногерманского бундестага.

— Коллеги, нас ждут ответственные решения, — попытается перевести разговор на другую тему председательствующий.

Но коллеги сосредоточенно дышали. Они беззвучно выкрикивали рты, словно выброшенные на берег сальды.

Бундестаговы отложили в сторону вопросы высокой политики и развернули яростные дебаты о вентильторах. Держатель акций концерна «Сименс» угрожавал депутатам заказать вентиляторы марки «Сименс».

Его оппонент с железной логикой доказывал, что самые эффективные аппараты — у фирмы АЭГ...
Повеления «округ вентильторного вопроса» точно запротоколированы в газете «Зюддеиче цейтунг».

Федеральный канцлер Аденаур на заседании фракции ХДС предложил установить в зале фракции

регр сальды. Тем временем полза сплюсок; дескать, коммунистическая агентаура» подбросила газовую бомбу, чтобы затуманить депутатские головы... Некоторых в панике бросились к двери.

— Халт! — остановил беглецов властный окрик восьмидесятилетелхте в о старце. — Дезертиры! Холодного фронта! Назад, под знамена ХДС! Без паники, господа! — авторитарно продолжал канцлер.

— В нашей фракции мало кислорода. Нужна новая вентиляционная система...
Бундестаговы отложили в сторону вопросы высокой политики и развернули яростные дебаты о вентильторах. Держатель акций концерна «Сименс» угрожавал депутатам заказать вентиляторы марки «Сименс».

Его оппонент с железной логикой доказывал, что самые эффективные аппараты — у фирмы АЭГ...
Повеления «округ вентильторного вопроса» точно запротоколированы в газете «Зюддеиче цейтунг».

Федеральный канцлер Аденаур на заседании фракции ХДС предложил установить в зале фракции

необходимые решения, — попытается перевести разговор на другую тему председательствующий.

Но коллеги сосредоточенно дышали. Они беззвучно выкрикивали рты, словно выброшенные на берег сальды.

Бундестаговы отложили в сторону вопросы высокой политики и развернули яростные дебаты о вентильторах. Держатель акций концерна «Сименс» угрожавал депутатам заказать вентиляторы марки «Сименс».

Его оппонент с железной логикой доказывал, что самые эффективные аппараты — у фирмы АЭГ...
Повеления «округ вентильторного вопроса» точно запротоколированы в газете «Зюддеиче цейтунг».

Федеральный канцлер Аденаур на заседании фракции ХДС предложил установить в зале фракции

необходимые решения, — попытается перевести разговор на другую тему председательствующий.

Но коллеги сосредоточенно дышали. Они беззвучно выкрикивали рты, словно выброшенные на берег сальды.

Бундестаговы отложили в сторону вопросы высокой политики и развернули яростные дебаты о вентильторах. Держатель акций концерна «Сименс» угрожавал депутатам заказать вентиляторы марки «Сименс».

Его оппонент с железной логикой доказывал, что самые эффективные аппараты — у фирмы АЭГ...
Повеления «округ вентильторного вопроса» точно запротоколированы в газете «Зюддеиче цейтунг».

Федеральный канцлер Аденаур на заседании фракции ХДС предложил установить в зале фракции

необходимые решения, — попытается перевести разговор на другую тему председательствующий.

Но коллеги сосредоточенно дышали. Они беззвучно выкрикивали рты, словно выброшенные на берег сальды.

ЖЕРТВА ГАЗЕТНЫХ ГАНГСТЕРОВ

...Мы только этим и живем... грязь... свасации... убийства... вез запина смерть... Мы должны подлатывать мясо — сыров, кровавое, с душком...
Эти слова Леонарда Ная, одного из героев романа А. Кронина «Северный свет», слова законченного гангстера от журналистики, — точный автопортрет буржуазной желтой прессы и находящихся у нее в услужении профессиональных разбойников пера.

Недавно в Англии, в графстве Стаффордшир, велось следствие в связи с самоубийством одного молодого человека. У самоубийцы был трагически окончившийся роман с замужней женщиной, матерью шести детей. В ходе следствия выяснилось ее имя и адрес. Падая на свисавши бирмингемская газета «Санди меркюри» немедленно всполошилась.

Редактор отдела информации поручил репортеру разыскать женщину и взять у нее интервью. Жертва журналистов-гангстеров молла пощадить ее, если не ради нее самой, то хотя бы ради детей, и не предавать гласности всю эту достаточно печальную историю.

Репортер предупредил редактора отдела информации о просьбе женщины. Следовательно также предпринял шаги к тому, чтобы ее имя не было названо. Не помогло. Газета опубликовала интервью под заголовком «Мать шестерых детей старается забыть и сообщить имя женщины».

«Журцы морали» из «Санди меркюри» сделали свое черное дело: после появления интервью женщина покончила жизнь самоубийством.

Самоубийство наделало много шума. Обнажились отвратительные нравы английской бульварной печати, играющей на самых низменных страстях толпы и не

останавливающейся ни перед чем в погоне за тиражом.

Позорная выходка «Санди меркюри» прозвала впечатление даже на англоязычные журналы. Пожелание следователя было известно всей прессе: именно по этому другие газеты не назвали имени женщины. Расследова историю с опубликованием интервью в бирмингемской газете, Генеральный совет прессы резко осудил действия «Санди меркюри». Этим делю и кончилось...

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЕ БУАНИ
воздухом, пока несчастный не погиб. На вопрос, почему он это сделал, преступник спокойно ответил: «Я пошутил! Какую же кару понес убийца? Да, собственно говоря, никакой. Его приговорили к уплате... несзначительного штрафа в раскраточной по полгоде! Хиллбрандты могут спокойно продолжать свои ложные различения и дальнейшее».

«Корреспондент», впечатанный журналом «Нэйшн», приводит в ужас не только описанием жестокого избиения африканцев полициейскими, но и потому, что она показывает: у людей сознательно воспитана уверенность в их праве быть палачами... В Кейптауне на Каледон-сквер находится центральные полицейские казармы, «провинившихся» африканцев там избивают палками. Однако выяснилось, пишет журнал, что

крики истязуемых «беспочтыв» женщин — служащих учреждений, расположенных на площади; «их расстраивает этот шум»...
Естественно предположить, что женщин возмущило изувечение полицейских. Ничуть не бывало. Вот высказывание одной из дам, на чей чувствительный слух неприятно действуют душераздирающие крики несчастных, вот как она им «соболезнует»: «Я сочувствую полиции. Неприятно наблюдать, иметь дело с избиваемыми. Но мне все-таки не хотелось бы слышать, как это происходит. Дамы сочувствуют полиции, но большинство избиений в свою очередь почувствовала ей и решила перенести избиения в подвальное помещение. Там жертвы могут кричать сколько угодно, но беспочтено бьют граждан».

Описанные случаи достаточно ярко иллюстрируют «основные права» африканцев и белых в Южно-Африканском Союзе.

Главный редактор С. С. СМРНОВ.
Редакционная коллегия: Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. СОЛДУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Рисунки И. Лисогорского

ны, так как объясняют, почему эта неблагоприятная история предана гласности. По мнению журнала, неудачные попытки подавить национально-освободительное движение связаны с тем, что деньги недостаточно широко использовались для военных целей, для поддержки марioneгонного правительства Лоса. Не будь эфемеров, все сложилось бы по-иному...
Пусть не утешает себя «Ньюсмики» Мухомичи избитых, действително, некрасивую дело не в этом: никакими долларами не подавить стремление народа Лоса к свободе.